

Герман и Тамара
Рыльские

◆ НОКТАМБУЛА ◆

КОШМАРЫ

Ноктамбула

Герман РЫЛЬСКИЙ

Кошмары

«РОСМЭН»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

РЫЛЬСКИЙ Г.

Кошмары / Г. Рыльский — «Росмэн», 2021 — (Ноктамбула)

ISBN 978-5-353-09745-7

Девушка по имени Тайна не помнит своего прошлого и не может испытывать чувства страха. Зато она способна перемещаться во времени и пространстве. К сожалению, не зная, кто она такая, и не имея конкретных целей, Тайна делает это хаотично; ее, словно магнит, притягивают разные странные миры. Что же делать, если эти ужасные места не желают отпускать Тайну? И почему ее так упорно ищут большой полосатый кот, детектив-альбинос и сама Королева Плезанс?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

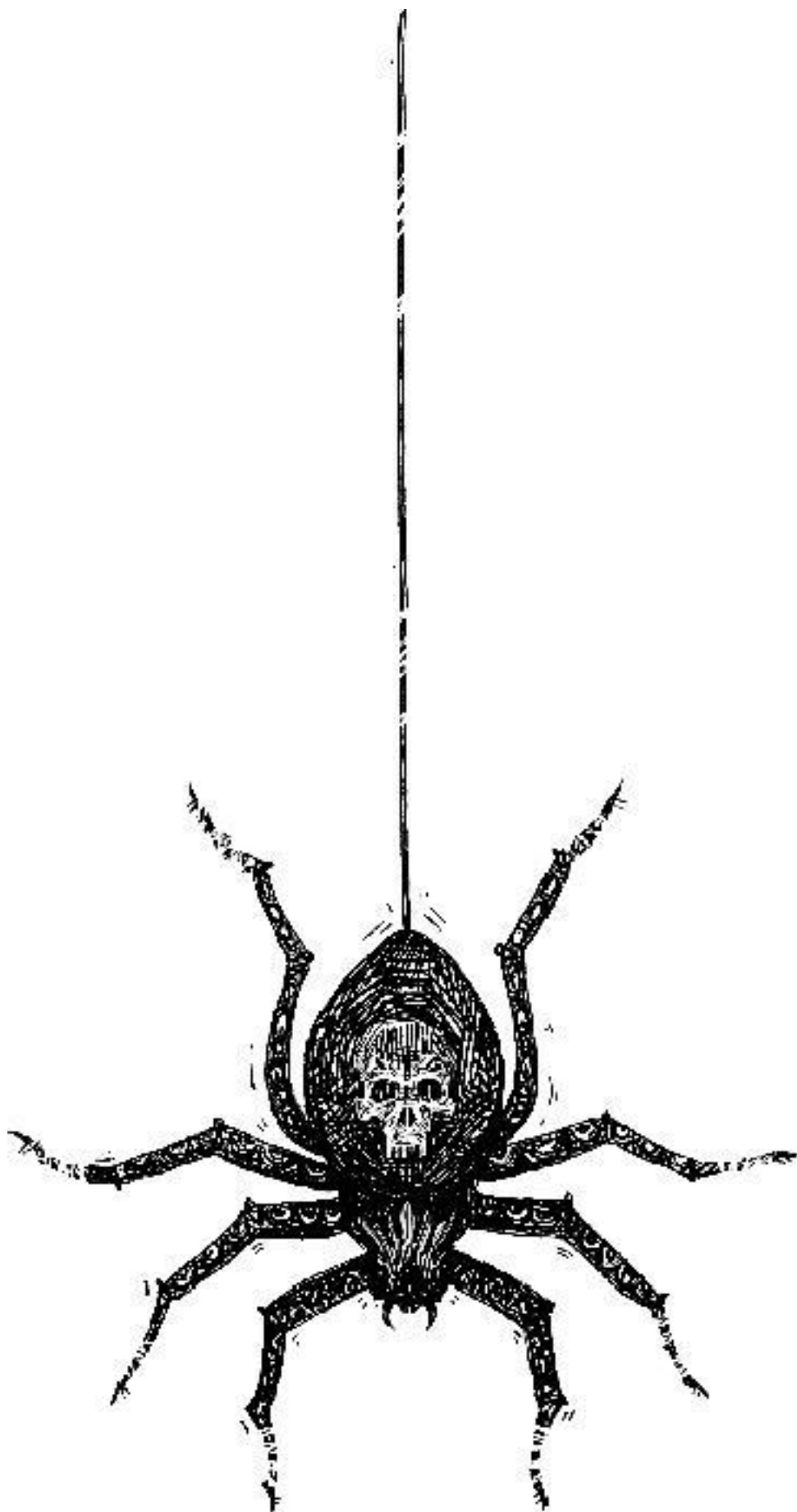
ISBN 978-5-353-09745-7

© Рыльский Г., 2021

© Росмэн, 2021

Содержание

Интерлюдия первая	7
Бар «Old school»	7
Сон первый	11
Румпельштильцхен	11
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Герман и Тамара Рыльские Кошмары

© Г. и Т. Рыльские, текст, 2021

© ООО «РОСМЭН», 2021

* * *

*– Зачем это я пойду к ненормальным? – пролепетала Алиса. – Я их...
Я лучше к ним не пойду...*

*– Видишь ли, этого все равно не избежать, – сказал Кот, – ведь мы тут
все ненормальные. Я ненормальный. Ты ненормальная.*

– А почему вы знаете, что я ненормальная? – спросила Алиса.

*– Потому, что ты тут, – просто сказал Кот. – Иначе бы ты сюда не
попала.*

Л. Кэрролл. «Алиса в Стране чудес». Перевод Б. Заходера

Интерлюдия первая

Бар «Old school»

Асфальтированное шоссе пересекало бескрайнюю пустошь и растворялось в темноте. Впереди, там, где дорога сужалась к горизонту, клубились тяжелые грозовые тучи. Внезапно небо засветилось, и сплошная стена черноты раскололась надвое. Угловатая молния на мгновение разогнала мрак, влажный асфальт сверкнул, как черное зеркало, и посреди шоссе выросла худая высокая фигура. Это была девушка с бледным, как у арлекина, лицом и черными прямыми волосами. Казалось, она возникла из электрических всполохов и клочковатых обрывков теней в тот самый миг, когда ударила молния. В строгом черном платье, кружевных перчатках и высоких ботинках на толстой подошве, она почти сливалась с темнотой, расплескавшейся над пустошью; лишь лицо-маска парило над асфальтом, да поблескивали серебряные пряжки на обуви.

Ударил гром, сотрясая небо и землю хриплым рыком, и девушка двинулась вперед. Вид у нее был серьезный и озабоченный, ровные, словно проведенные под линейку брови сошлись над переносицей. Она что-то высматривала, но вокруг не наблюдалось ничего примечательного, лишь пологие холмы и мокрая трава. Редкие постройки были темными и безжизненными, как брошенные у обочины коробки. Иногда, шурша мокрой резиной, по трассе проносился автомобиль или рейсовый автобус со спящими пассажирами. Девушка продолжала идти вперед, не обращая внимания на пролетавшие в опасной близости машины, и казалось, водители тоже не замечали ее. Она была тенью в слепящем свете фар, призраком, укутанным во мрак.

Наконец впереди показался светящийся островок. Справа от обочины расположилась заправка, слева – небольшие круглосуточные магазины, шашлычные и платные туалеты. У самодельных прилавков топтались угрюмого вида тетки в целлофановых дождевиках. На картонках от руки были написаны цены на чай, растворимый кофе и пирожки. Когда девушка прошла мимо, никто ее не окликнул, предлагая что-нибудь купить. Она словно не принадлежала этому неуютному и промозглому месту.

Чуть в стороне от заправки стояла серая прямоугольная постройка с яркой светодиодной вывеской «Old school». Мерцающие буквы заливали стоянку холодным светом, по бокам от входа висели афиши с расписанием концертов и вечеринок. Возле бара были припаркованы мотоциклы – «хонды», «ямахи» и тяжелые «харлеи» с кожаными сиденьями и выпуклыми фарами. Почти на каждом мотоцикле красовался знак – пылающий череп с рогами.

Чуть поодаль, на границе света и тени, сидел большой полосатый кот. Он неторопливо вылизывался, но, заметив девушку, быстро поднялся на задние лапы, вытянувшись во весь рост.

– Королева Плезанс, – сказал Кот, отвесив девушке глубокий поклон. – Рад приветствовать вас в этом, с позволения сказать, злачном месте!

Плезанс кивнула и направилась к двери бара, мимо выстроившихся в ряд мотоциклов. Кот затрусил следом, размахивая хвостом.

– Наш детектив сказал, Тайна бывает здесь каждый вечер, – сообщил Кот. – По его словам, надо только подождать, она обязательно появится. Если хотите знать мое мнение, эта ваша Тайна весьма неразборчива в связях. Вы только посмотрите вокруг! Брр!

– Прости, но твое мнение меня мало интересует, – сказала девушка, едва шевельнув губами. Голос у нее был усталый и как будто надтреснутый.

Плезанс распахнула двойные двери и шагнула в грохот и дым. Кот просочился за ней.

Из колонок звучал тяжелый рок, слышались возгласы, смех, звон посуды и сухие удары бильярдных шаров. Почти все столики были заняты, молодые официантки в одинаковых серых передниках сновали туда-сюда. Возле бильярда и у барной стойки толпились байкеры. Почти все они были бородачатыми и татуированными, в скрипучих косухах и кожаных жилетах с символикой мотоклуба. Галстуки-боло и широкие ремни с массивными пряжками наводили на мысли о Диком Западе, ковбоях и пыльных тexasских дорогах. Плезанс прошла мимо игровых автоматов, пустой сцены, в глубине которой стояла ударная установка, и остановилась напротив барной стойки. Никто – ни байкеры, ни их подружки, ни персонал бара – даже не посмотрел в ее сторону. На странного кота, который все еще стоял на задних лапах, тоже никто не обратил внимания.

– Не верится, что мы найдем здесь то, что ищем, – пробормотал Кот, озираясь. – Только время потеряем...

На стене за баром не было свободного места: в ряд висели черно-белые фотографии в рамках, знамя мотоклуба с рогатым черепом и девизом «Always glow», украшенная размашистым автографом электрогитара и даже колесо от мотоцикла.

Плезанс подошла к стойке. Байкеры по-прежнему не смотрели в ее сторону, но подвинулись, уступая место, как расступилась бы высокая трава перед идущим человеком. При этом они продолжали болтать и прикладываться к кружкам, едва ли осознавая, что у стойки появился чужак. На бармене, толстом и бородачатым, как и большинство посетителей клуба, был жилет с нашивками, кожаные напульсники и футболка с надписью «Беспечный ездук». Отвисшие брыли и маленькие, глубоко посаженные глаза делали его похожим на сердитого бульдога; четыре буквы, вытатуированные на пальцах правой руки, составляли слово «ЗМЕЙ».

– Здравствуйте, – произнесла Плезанс.

Увидев ее, бармен удивленно моргнул и отложил тряпку. Его взгляд скользнул по черному платью, кружевным перчаткам и остановился на бескровном, будто выбеленном пудрой лице:

– Да?

– Я ищу Тайну, – сказала Плезанс.

– А, Тайну... – Змей кивнул. – Она уехала со своим приятелем. Вы разминулись на полчаса.

– Она вернется сегодня?

– А кто ж ее знает? Может, да, а может, нет. Подождите немного, если не торо...

На барный стул, который опустел, когда Плезанс подошла к стойке, взгромоздился Кот. Бармен осекся на полуслове, уставившись на необычного посетителя. Кот положил передние лапы на стойку и журчащим голосом произнес:

– Человек, молока мне! И не забудь обслужить леди!

Бармен застыл на месте, выпучив глаза и приоткрыв рот. Выглядел он как начинающий актер, пытавшийся изобразить удивление, но явно переигравший.

– Поторопись! – прикрикнул на него Кот. – Что у вас тут за порядки, в самом деле?!

Змей дернулся, как будто ему вlepили пощечину, и перевел взгляд на Плезанс.

– Что будете... – Голос подвел его, сорвавшись на ломкий фальцет. Он прокашлялся и повторил: – Что будете пить?

– Чай, пожалуйста, – спокойно произнесла девушка, усаживаясь на соседний стул. – С бармаглотом.

– С бергамотом, – подсказал Кот.

– Да, да, разумеется, – рассеянно отмахнулась Плезанс.

Вскоре на стойке появилось блюдо с молоком, фарфоровая чашка, заварочный чайник и вазочка с сахаром-рафинадом, из которой торчали щипцы.

– Что-то еще? – поинтересовался Змей, с опаской глядя на странных посетителей.

– Пожалуй, еще кое-что, – протянул Кот, косясь на Плезанс. – Скажи, бармены ведь люди особенные. Они всё слышат, всё знают. Верно?

Байкер неопределенно пожал плечами. Судя по всему, он был не в восторге от происходящего и хотел, чтобы говорящая тварь оставила его в покое. Но Кот не унимался:

– Что ты знаешь про Тайну? Какие-нибудь слухи? Что она за человек?

– Да человек как человек, – нехотя протянул бармен. – Ее Кастет привел, пару лет назад. Вообще она не член «Пылающих», у нее даже байка своего нет.

– И что, были какие-нибудь... случаи? – настаивал Кот.

Плезанс меж тем молча прихлебывала чай. Лицо у нее было бесстрастным, как у фарфоровой куклы, а движения – аккуратными и неторопливыми.

– Ну, было кое-что... – произнес бармен.

– Ах, значит, все-таки было? – Кот расплылся в хищной улыбке, продемонстрировав длинные, в разы длиннее и острее, чем у обычных котов, зубы.

– Тайна ваша – странная, – сказал Змей, капитулируя. – Она как будто здесь и в то же время – нет.

– Знакомо, – промурлыкал Кот.

– Это сложно объяснить. Мы как-то разговорились, и знаете, что она сказала? – Бармен взял тряпку и начал рассеянно протирать стойку, и без того отполированную до блеска. – Она сказала: «Все вокруг ненастоящее. Этот бар, город, все, что мы видим вокруг – иллюзия». Я спросил почему. Она говорит – потому что так есть, так все устроено. «Все это – сон. А между снами можно переключаться, как между каналами на телевизоре». Вот что она сказала.

Плезанс и Кот обменялись коротким, ничего не выражающим взглядом. А бармен продолжал:

– Ну, сказала и сказала. Мало ли какого бреда я наслушался в этом баре за пятнадцать-то лет? Люди разные бывают, у некоторых в голове такое творится – мама не горюй. Мое дело слушать и напитки вовремя подавать. Тайна-то хоть и странная, но всегда тихая была, а тут вдруг прицепилась, говорит – серьезно, я с детства знала, что все вокруг – ненастоящее. Если расслабиться и ни о чем не думать, можно провалиться в другой мир. А я возьми да ляпни – давай, мол, покажи, как это происходит.

– И что? – Кот подался вперед, вытянувшись над блюдом с молоком.

– Она говорит, ладно, смотри. Отодвинула кружку и уставилась в одну точку, как будто уснула с открытыми глазами. Просидела так несколько минут, а потом взяла и пропала.

– Ну понятно, – пробормотал Кот, откидываясь на спинку стула.

– Серьезно, – сказал Змей. – Растаяла в воздухе, словно ее и не было. А через пару часов как ни в чем не бывало заходит в бар вместе со своим приятелем. Я уже решил ни о чем не спрашивать. Думаю, переработал в ночную смену, вот и померещилось.

– А еще что-то было? – спросил Кот.

– Ну, люди разное рассказывают, – протянул бармен. – Кастет говорил, однажды Тайна с едущего мотоцикла пропала. Он ее все время за спиной возит, а тут глянул – сиденье пустое. Он перепугался, думал, где-нибудь на повороте слетела. А она ничего, вернулась через несколько

дней, жива-здоровая. Говорит, я просто отошла ненадолго. Это на трассе, на скорости двести километров в час! Я думаю, Кастет ее сам не понимает и побаивается, только это между нами. А еще рядом с ней всяких чудищ видели. – Змей выразительно посмотрел на Кота. – Говорят, там, где Тайна, там нечисть вертится, но я сам до сегодняшнего дня ничего такого не видел.

– Прелестно, – промурлыкал Кот. – Иди покамест, работай.

Бармен растерянно заморгал, словно человек, вышедший из транса. Его взгляд скользнул по девушке и коту, но не задержался на них.

– Это еще ничего не значит, – сказал Кот. – Мало ли по свету людей с необычными способностями! А Великих Королев – всего ничего.

– Ты и про меня так говорил, – заметила Плезанс.

– Это было в позапрошлом веке, – отмахнулся Кот.

– Время относительно. Сам прекрасно знаешь.

Некоторое время Королева и Кот молча сидели за стойкой. Она пила чай, он лакал молоко и недовольно зыркал по сторонам. Спустя примерно полчаса зазвонил старомодный телефонный аппарат, установленный за стойкой. Змей поднял трубку, выслушал говорившего, а потом подошел к ноутбуку и выключил музыку. Еще несколько секунд потребовалось на то, чтобы разговоры смолкли и в баре повисла тишина. Все взгляды обратились к барной стойке.

– Кастет разбился, – сообщил Змей.

Байкеры застыли, переваривая новость, а Плезанс поднялась со стула и огляделась.

– Мне нужно зеркало...

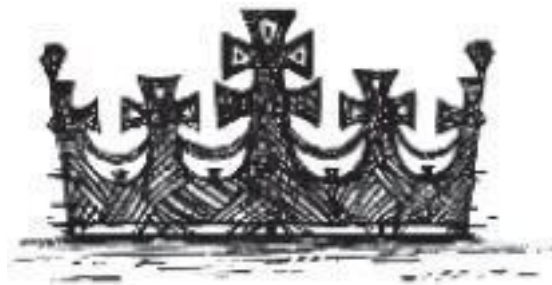
– Думаю, нам туда, – сказал Кот, указывая на дальнюю дверь, над которой светила табличка «WC».

* * *

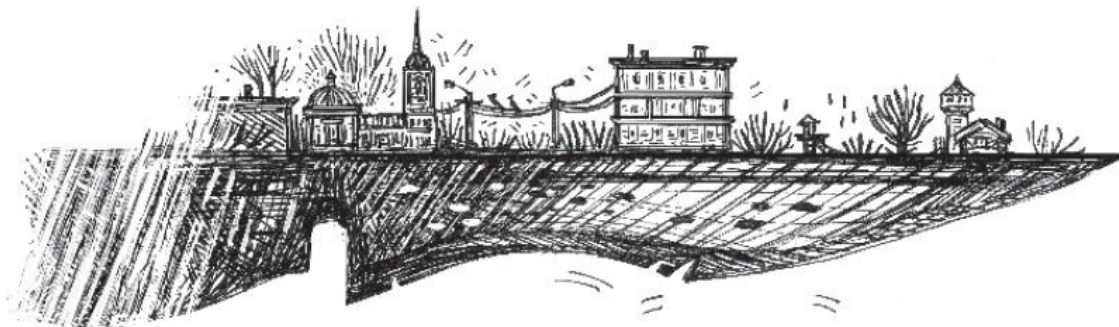
Холодное мерцание проблесковых маячков отражалось на влажном асфальте, растекалось в лужах синими и красными пятнами света. Плезанс задумчиво смотрела на разбитый мотоцикл за желтой заградительной лентой. Столкнувшись с опорой моста, он превратился в грудку искореженного обгоревшего металла. Санитары грузили тело мертвого байкера в карету скорой помощи, полицейские фотографировали место аварии и заполняли протоколы.

– Ее нигде нет, – сказал Кот, появляясь из темноты.

– Скажи остальным, пусть продолжают искать, – распорядилась Плезанс. – Время на исходе!

Сон первый

Румпельштильцхен

Тайна лежала на спине и смотрела в небо. Вставать она не торопилась, прежде следовало разобраться, что с ней произошло.

Было неудобно и холодно. А еще болела голова. Пошевелив рукой, Тайна нащупала сырую твердую поверхность и рассыпанные по ней острые камешки. Не самое лучшее место, чтобы лежать и смотреть на небо.

Где она?.. Как сюда попала?..

Немного поразмыслив, девушка поняла, что не может ответить на эти вопросы. Вероятно, до того как она открыла глаза, не было ничего. Как еще объяснить, почему в голове поселилась пустота, а малейшая попытка что-то вспомнить отзывалась пульсирующей болью где-то в районе затылка?.. «Наверное, мне просто нечего вспоминать», – с отстраненным спокойствием подумала Тайна. Единственное, что отыскалось в ее наполненной болью голове, – это собственное имя. Решив, что и этого более чем достаточно, Тайна медленно села и обвела взглядом окружающее пространство. Она очнулась на дне темной глубокой канавы. Неподалеку капала вода, пахло сыростью и канализацией.

– Надо выбираться отсюда, – сказала Тайна, поднимаясь.

По какой-то неведомой причине руки и ноги слушались плохо. Стоило Тайне распрямиться, как перед глазами все закружилось, а горло сдавил мучительный спазм. Она привалилась к вертикальной бетонной стене и простояла так несколько минут, ожидая, когда что-то изменится. Наконец голова перестала кружиться, словно карусель, в которую превратилась канава, замедлилась и наконец остановилась. Тошнота постепенно сошла на нет, хотя горло еще продолжало рефлекторно сжиматься, как во время рвоты.

Тяжело дыша, Тайна двинулась вперед, придерживаясь за стену. Вскоре ее рука коснулась чего-то шершавого и холодного, возможно трубы или балки. Ощупав находку, девушка поняла, что это ржавая металлическая лестница, привинченная к бетону. Кое-как поднявшись по ступенькам, Тайна без сил рухнула на краю канавы.

Был вечер, а может, раннее утро. Купол неба, по краям затянутый тучами, тяжело нависал над землей. Мир напоминал черно-белую фотографию – такой же бесцветный, неподвижный и как будто бы плоский. Канава, из которой Тайна только что выбралась, оказалась кюветом, идущим вдоль шоссе. Чуть дальше пустынная полоса асфальта превращалась в огромный мост из железобетона и металлических тросов. Возле крайней опоры дымились какие-то обломки, пахло бензином и жженой резиной. Испытывая легкое любопытство, Тайна поднялась на ноги и приблизилась к разбитому мотоциклу. Хромированные детали потемнели от огня, руль перекосялся, а переднее колесо, уже не круглое, а какой-то неправильной формы, оцетинилось

вывернутыми спицами. Неподалеку лежал мертвый человек в кожаном жилете. Его лицо скрывал черный шлем с треснувшим экраном, руки в перчатках были раскинуты в стороны.

Пожав плечами, Тайна покинула место катастрофы и ступила на мост.

Внизу разливалась непроглядная темень. Слышался тихий плеск, и Тайна подумала, что это, наверно, плещется Чернота. Еще она подумала, что это правильно – перекинуть мост через Черноту. Идти через нее вброд, наверно, неприятно и даже опасно – можно в два счета заблудиться... или утонуть.

Тайна находилась посередине моста, когда у нее снова закружилась голова и потемнело в глазах. Мысли о текущей внизу Черноте мигом вылетели вон. Девушка села на бордюрный камень и сжала виски ладонями. Ощущение было такое, будто в затылок ей медленно вкручивают раскаленный шуруп. Тайна провела рукой по волосам и обнаружила большую шишку. Каждое прикосновение к ней отдавалось в черепе тупой болью. Тайна понятия не имела, откуда взялась шишка. Видимо, она уже была, когда... *когда...*

– Когда я... *появилась*, – пробормотала Тайна.

Прошло несколько минут, боль постепенно отступила. Девушка поднялась и побрела вперед, не задумываясь о том, куда направляется. Слепя фарами, мимо проносились автомобили; от яркого света виски начинали ныть, а в затылке появлялась неприятная, горячая пульсация. Тайна рассеянно подумала, что не все вещи полезные, как, например, мост через Черноту. Боль в голове – вещь неприятная и вредная. А значит, в этом мире не все правильно.

Некоторое время спустя впереди показались огни города. Шоссе постепенно растворилось в его каменном чреве. Тайна вымоталась, а потому легла на какой-то газон и, не чувствуя холода, уснула.

* * *

Откуда-то донеслись низкие тянущиеся звуки – казалось, неподалеку, оборот за оборотом, раскручивают старую заезженную пластинку. Вращение понемногу ускорялось, завывания становились выше, пока не превратились в странную музыку, напоминавшую о ярмарках, уличных шапито и цирковых шествиях.

Тайна с трудом разлепила глаза и села. Рядом гроыхала пустая карусель; сквозь цирковой марш слышалось натужное урчание мотора и лязг цепей. Яркие пластмассовые звери, посаженные на железные штыри, неслись по кругу. Лев, зебра, крокодил, утка в цилиндре и бабочке так и мелькали на фоне серого неба. Тайна протерла глаза и медленно поднялась на ноги. Она замерзла, волосы и одежда были влажными от росы. Спать прямо на земле оказалось не лучшей идеей...

Утро было по-осеннему сумрачным и неприветливым, но здесь, словно наперекор погоде, царила праздничная атмосфера. Тайна сообразила, что накануне, сама того не зная, пришла в парк аттракционов. Правда, яркие афиши, обещавшие удивительные зрелища и невероятные впечатления, намokли под дождем, разноцветные флажки поникли, а старые ржавые карусели крутились вхолостую. Тайне было все равно, где находится, пока что все места выглядели для нее одинаково незнакомыми. Она запахнулась в куртку, пытаясь хоть немного согреться, и пошла вперед, по широкой безлюдной аллее. Посетителей не было, и работники, обслуживавшие аттракционы, провожали Тайну удивленными, подозрительными, а то и вовсе испуганными взглядами.

Зона отдыха оказалась огромной, и аллея, похоже, не собиралась кончатся. Тайна все шла и шла, но так и не увидела ворот или хотя бы маленькой калитки, ведущей за пределы парка. Лишь боковые аллеи уводили вправо и влево, некоторые широкие и светлые, а некоторые – наоборот. Это место походило на лабиринт, где ничего не стоило потеряться.

Шагая, Тайна немного согрелась и окончательно проснулась. Вскоре она поняла, что хочет есть. В этом не было ничего удивительного – ведь за свою короткую жизнь она еще ни разу не ела. Недолго думая, девушка свернула к небольшой деревянной постройке с квадратным окошком и сорванной вывеской. Из темного проема на нее посмотрели чьи-то внимательные глаза.

– Здравствуйте. Я хочу есть, – сказала Тайна.

– А я тут при чем? – ответил ей грустный голос.

– Не знаю. Вы здесь работаете?

Некоторое время из будки не доносилось ни слова.

– Уходи отсюда, девочка.

– Но я хочу есть.

– Пойди съешь кого-нибудь другого. Все равно я отсюда не выйду.

Тайна пожалала плечами и пошла дальше. Есть по-прежнему хотелось. Вскоре ей повстречался другой ларек. Вывеска была на месте. «Сладкая вата. Воздушная кукуруза», – прочитала Тайна.

За прилавком стоял пожилой человек в грязном фартуке. Выглядел он измученным и усталым, лицо изрезали глубокие морщины, а рубашка болталась как на вешалке.

– Здравствуйте. Я хочу есть.

– Надо же! – удивился продавец. – А как у тебя с деньгами?

– Не знаю, я не проверяла карманы, – честно призналась Тайна. – Наверное, никак.

– Ладно, бери даром, – сжалился старик. – Все равно здесь никто ничего не покупает, так какого черта...

В стеклянном кубе заплескались белые, похожие на пенопласт, хлопья.

– А почему здесь никого нет? – спросила Тайна в ожидании порции кукурузы.

Продавец с опаской осмотрелся по сторонам.

– И правильно, что никого нет. Нечего здесь делать.

– Но ведь это парк, здесь должны отдыхать люди.

– Люди здесь не отдыхают, а пропадают. Вот сейчас ты есть, а через минуту – раз! – старик сделал выразительный жест рукой, – и тебя нет!

– Куда же все исчезают?

– А кто его знает!.. Несколько потом нашли. По кускам, в разных концах парка.

Тайна взяла полосатый пакет с попкорном.

– А вы что здесь делаете?

– Как что? Работаю!

– Но зачем? Все равно парк пустует. Разве я не права?

– Конечно нет! – В глазах продавца мелькнул испуг. – Мы должны завлекать посетителей.

– Для того, чтобы они исчезали?

– Нет. Не знаю! Директор говорит, аттракционы должны работать, и точка.

– Странно, – покачала головой Тайна.

– Странно – не то слово... – вздохнул продавец и словно о чем-то задумался.

Над парком сгустились тучи. Тайна жевала кукурузу, сидя на скамейке, и думала о том, что не следует задерживаться здесь надолго. Она чувствовала – это плохое место. Прийти сюда – все равно что прыгнуть в Черноту, которую она видела под мостом.

Запахнув пустой пакет в переполненную урну, Тайна вновь побрела по бесконечной аллее. Деревья, возвышавшиеся по обеим сторонам, так плотно смыкали морщинистые стволы, что казалось, это и не парк вовсе, а старый мрачный лес, куда лучше не ходить в одиночку. Там, где стояла очередная карусель или надувной батут, деревья отступали чуть глубже, огибая увеселительную машину. Сами аттракционы выглядели так, словно вот-вот развалятся – пустые вагончики со скрипом неслись по ржавым рельсам, машинки на автодроме дергались,

будто в конвульсиях. Похоже, директор, о котором вскользь упомянул продавец попкорна, не слишком заботился о парковом имуществе и безопасности посетителей.

Проходя мимо «Замка с привидениями», откуда неслись записанные на пленку завывания и зловещий хохот, Тайна на всякий случай ускорила шаг. Нарисованные на фасаде оборотни, вампиры и гоблины ей совершенно не понравились. Зато пройдя чуть дальше, она увидела небольшой домик с металлической крышей, стены которого украшали изображения смеющихся клоунов. Красноносые, с белыми, как известь, лицами, клоуны выглядели безрадостно, но все же это было лучше, чем скелеты и чудища. Под вывеской «Комната смеха» сидел человек в потрепанном костюме Арлекина. На его худом, словно крысином лице застыло скупающе-унылое выражение.

Тайна подошла ближе.

– Вы не подскажете, где здесь выход?

– Шутишь? Отсюда нет выхода!

– В каком смысле?

Мрачный Арлекин развел руками.

– Во всех. А ты что здесь забыла?

– Ну... Я просто пришла.

– Напрасно. Очень зря, скажу я тебе.

– Может, и зря, – согласилась девушка. – Ладно, я все-таки пойду поищу выход...

– Подожди! Ты когда-нибудь была в комнате смеха?

– Не приходилось. А что?

Перед Тайной распахнулась скрипучая дверь.

– Заходи, билета не надо.

Вопреки названию, помещение было мрачным, полутемным и пахло плесенью. На стенах висели зеркала без рам, разных форм и размеров – вогнутые, выпуклые, идущие волнами и в форме песочных часов. Ничего смешного в искаженных отражениях Тайна не нашла, однако продолжала переходить от зеркала к зеркалу, разглядывая уродов, возникавших по ту сторону стекла. Какое-то смутное ощущение не давало ей покоя, словно она что-то забыла или упустила из виду. Возле одного из кривых зеркал Тайна задержалась.

– Мое лицо, – сообразила она. – Я его до сих пор не видела.

Нелепая фигура напротив дернулась и согласно кивнула.

– Я же не кивала, – нахмурилась девушка.

Сухой удушающий запах появился неожиданно, словно кто-то взял стопку бумаг, хранившуюся на чердаке, и сдул ей в лицо скопившуюся за долгие годы пыль. Тайна не успела задержать дыхание, поперхнулась и вдруг обнаружила, что зеркала исчезли. Вместо них появились глубокие темные провалы, да и вся комната внезапно преобразилась. Потолок приподнялся, откуда-то возникла тяжелая бронзовая люстра и мраморные колонны. Тайна точно помнила, что в фанерном домике с вывеской «Комната смеха» ничего этого не было. Она принялась тереть глаза кулаками, но люстра и колонны никуда не делись, а вдобавок ко всему комната внезапно поменяла цвет. Присмотревшись, Тайна поняла, что по стенам течет темно-красная жидкость. Потёки наплывали один на другой, становясь темнее и гуще, словно на верхнем этаже прорвало бассейн с кровью. В ноздри ударил тяжелый медный запах. Тайна посмотрела вниз и обнаружила, что стоит по колено в теплой, словно только что выпущенной из чьих-то вен крови. Она переступила с ноги на ногу, и в кроссовках, ставших неожиданно тяжелыми, мерзко зачавкало. Девушка поняла, что если будет просто стоять на месте, то в конце концов утонет, захлебнется в чужой крови. Она окинула взглядом помещение в поисках двери или окна, но вокруг были только квадратные провалы, возникшие на месте зеркал. Еще недавно они пустовали, однако сейчас в глубине каждого кто-то стоял. Застывшие в разных позах фигуры каза-

лись плоскими силуэтами, вырезанными из черного картона. Из каждой ниши на Тайну равнодушно смотрели неживые, словно стеклянные глаза...

– *Так ты все еще здесь?*

Тайна повернулась на голос и увидела зрителя комнаты смеха. Все вокруг выглядело как прежде, только по железной крыше домика барабанил дождь. Стены снова сделались серыми, кровь, заливавшая зал, исчезла, словно ее и не было.

– Да... а что?

– И ты никуда не выходила?

Тайна покачала головой.

– Я, конечно, понимаю, что моя «Комната смеха» – самый лучший аттракцион в этом парке, – произнес Арлекин, уперев руки в бока и подозрительно глядя на девушку. – Но я впервые вижу человека, которому было бы интересно два часа пялиться в кривые зеркала!

По ощущениям Тайны, странное видение продлилось считанные секунды. Но с чего бы Арлекину ее разыгрывать? Тайна не сомневалась, что время может сжиматься и растягиваться, хотя понятия не имела, откуда в ее пустой голове могли появиться такие сведения. Это было нечто естественное и само собой разумеющееся, как уверенность, что если прыгнешь с моста, то полетишь вниз, а не вверх. Впрочем, и это не всегда происходит именно так, подумала Тайна, хотя опять же не знала почему.

– Так что? – настаивал Арлекин.

– Мне было интересно, – заверила его Тайна. – Особенно когда по стенам потекла кровь. А сейчас я должна идти, извините.

Зритель проводил ее удивленным взглядом.

Возле задней двери Тайна остановилась. Здесь, у самого выхода, висело обычное зеркало, и она с любопытством посмотрела на свое отражение. У незнакомой девушки, отразившейся в зеркале, были темно-каштановые волосы, заплетенные в косу, худое лицо и высокие скулы, на которых горели редкие веснушки. Зеленые глаза хранили немного сонное выражение, а во взгляде и движениях было что-то флегматично-ленивое. Тайна решила, что выглядит лет на шестнадцать-семнадцать, хотя точно знала: она появилась только вчера.

– Как, по-вашему, на кого я похожа? – обратилась она к Арлекину, но тот куда-то исчез.

Дождь радостно набросился на новую жертву. Тучи ползли низко и медленно, как серые неповоротливые дирижабли, скрывая дневной свет. Уличные фонари, работающие на фотоэлементах, зажглись раньше времени, но их болезненно-желтый свет не мог справиться с мглой, накрывшей парк. Зато небо то и дело вспыхивало, заливая парк жутковатым электрическим светом, и протяжно грохотал гром. Продавцы и балаганщики покинули аллею, и только Тайна шла вперед, надеясь поскорее отыскать выход. Идти под холодным дождем было неприятно, но она чувствовала, что должна двигаться вперед.

С тех пор как Тайна покинула комнату смеха, ее не отпускало странное чувство, будто за ней кто-то наблюдает. Казалось, чья-то злобная воля стремительно растекалась над парком, как туман или ядовитый газ, тянувшись к ней своими щупальцами.

– Кто-то знает, что я здесь, – пробормотала Тайна, едва ли осознавая, что говорит вслух.

Девушка не видела причин сомневаться в своем чутье и поэтому упорно шла вперед, шлепая мокрыми кроссовками по холодным лужам. Нужно было выбираться отсюда, и чем быстрее, тем лучше.

А ливень и не думал утихать. Тайна смотрела сквозь его серую пелену и в какой-то момент почти поняла, что это за странные щупальца ползут к ней со всех сторон, лаская, опутывая. Но тут на плечо ей опустилась чья-то тяжелая рука, и понимание ускользнуло.

Тайна оглянулась и увидела высокого мужчину в черном кожаном плаще и с огромным зонтом. Короткого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – это он, тот, кто направлял к ней свою волю, тянувшись тысячами невидимых щупалец. С зонтика стекала вода, окружая муж-

чину полупрозрачным коконом, но Тайна разглядела всклокоченную бороду и длинные, раз-
метавшиеся по плечам волосы.

– Далеко собралась? – спросил мужчина.

– Далеко, – отозвалась Тайна. – Хочу выйти из парка.

– Ну, это вряд ли. Иди-ка сюда, надо поговорить...

Мужчина взял Тайну под локоть и потащил к небольшой крытой эстраде. Почувствовав его жесткие, словно железные пальцы, девушка поняла, что не сможет просто так вырваться. Оставалось одно – ждать подходящего момента, чтобы убежать.

По навесу колотил дождь, но в глубине сцены было сухо. Они поднялись на скрипучий дощатый помост и прошли чуть дальше, прячась от дождя. В хорошую погоду здесь, наверное, выступали оркестры или проводились танцевальные вечера, но сейчас единственными актерами на этой сцене были Тайна и бородатый мужчина в плаще. Он сложил зонт, резким движением стряхнул с него капли и посмотрел на Тайну из-под косматых бровей. Его прямой изучающий взгляд не сулил ничего хорошего.

– Откуда у тебя рога?! – внезапно спросил он.

– Что?

– Рога! Давно они появились?

Тайна точно помнила, что, когда стояла перед зеркалом в комнате смеха, рогов у нее еще не наблюдалось, но на всякий случай осторожно потрогала темечко. Голова была мокрая, однако ничего похожего на рога, даже самые маленькие, там не оказалось.

– Нет у меня никаких рогов, – сказала Тайна. И укоризненно добавила: – Зачем вы врете?

Небо расколола молния, и на парк обрушился тяжелый раскат грома. Тайна почувствовала, как завибрировали доски под ногами.

– Конечно же они есть, – сказал мужчина таким тоном, словно разговаривал с несмышленным ребенком. – Если ты чего-то не видишь, еще не значит, что этого нет.

– А вы, значит, все видите? – спросила Тайна.

– Не все, но многое. Меня, кстати, зовут Иван Николаевич, я директор этого парка. А тебя как зовут?

– Тайна.

– Не хочешь отвечать – не надо. Теперь важно только одно – что ты здесь.

– А я скоро уйду, – пожал плечами Тайна. – Мне здесь не нравится.

– Ну, нравится не нравится, это значения не имеет, – сурово произнес Иван Николаевич. – Тебе придется остаться. Видишь ли, я собираю таких, как ты.

– Это каких – таких? – поинтересовалась Тайна.

– Особенных. Детей с разными... необычными способностями. У меня здесь что-то вроде детского дома для одаренных. Пока он небольшой, но моя коллекция все время пополняется.

– А во мне ничего такого нет, – сказала Тайна. – Я обычная. Я вообще только вчера появилась.

– Все так говорят, – усмехнулся директор. – Но со временем ты все поймешь. И все увидишь. А пока тебе придется пойти со мной...

Иван Николаевич открыл зонт и схватил Тайну за локоть. Вместе они спустились со сцены, пересекли центральную аллею и нырнули в кусты. Тайна обнаружила под ногами узкую дорожку, вымощенную щербатой тротуарной плиткой. Справа и слева высились деревья, утопавшие в густом колючем подлеске. Кусты никто не подстригал, и девушка едва успевала уклоняться от хлестких веток, отяжелевших под проливным дождем. Наконец заросли расступились, и Тайна увидела пустырь, окруженный деревьями. Посередине возвышалась мрачная двухэтажная постройка с темными окнами и тяжелой металлической дверью. Судя по огромной кирпичной трубе на плоской крыше и тянущимся со всех сторон теплотрассам, это была

котельная. Над трубой клубился дым, черный и маслянистый, и Тайна невольно вспомнила Черноту, плескавшуюся под мостом.

– Это и есть мой детский дом, – сказал Иван Николаевич, направляясь к двери. – Добро пожаловать!

Тайна ожидала, что он вытащит из кармана ключи, но дверь оказалась не заперта. Они вошли в прихожую – небольшую, скупо освещенную комнату без окон. У одной стены стояла обувь – десятки и десятки маленьких сапожек и резиновых калош, – у другой расположилась вешалка, заваленная детскими пальто и куртками. Пахло школьной столовой, туалетом и несвежим постельным бельем.

Иван Николаевич притворил дверь, отсекая шум дождя, и сверху вниз посмотрел на Тайну.

– Чего уставились? – не слишком любезно поинтересовалась та.

– Смотрю на твои рога. Очень необычно, хотя я и не такое видал. Твои таланты уже проявились?

– Какие еще таланты? – буркнула Тайна.

– Я бы не спрашивал, если бы знал, – пожал плечами директор. – Обычно они проявляются во время переходного возраста, но бывает, что и позже. Тебе уже есть восемнадцать?

– Я появилась вчера, мне один день, – сказала Тайна. – Я вам уже говорила.

– Что ты несешь? – поморщился Иван Николаевич. – Я говорю с тобой серьезно, как со взрослым человеком! Понимаешь, теперь это твой дом. Ты будешь жить здесь, поэтому привыкай быть вежливой и послушной. Сначала будет сложно, но это все для твоего же блага!

– Мне здесь не нравится, – уперлась Тайна, – и надолго я здесь не останусь.

– Это не тебе решать. Ты пробудешь здесь столько, сколько потребуется. – Иван Николаевич тяжело вздохнул и посмотрел на Тайну едва ли не с жалостью. – Знаешь, я сам долгое время провел в одном очень нехорошем месте. С такими, как ты и я, там обращались жестоко, как с подопытными крысами. Другое дело – мой маленький уютный детский дом! Здесь всем хорошо и весело. Скоро ты полюбишь это место.

Тайна промолчала.

– Ладно, иди знакомься с другими детьми. Надеюсь, вы подружитесь. Будешь хорошо себя вести, может, со временем станешь моей помощницей. Мне не помешает кто-нибудь постарше, чтобы присматривать за малышкой...

– Нет уж, спасибо, обойдусь, – отрезала Тайна.

Иван Николаевич усмехнулся, взял зонт и направился к двери. На пороге он оглянулся и произнес:

– И не вздумай бежать! Прогулка по воскресеньям, в другое время выходить на улицу запрещается.

– А если я все-таки выйду? – поинтересовалась Тайна.

– Далеко не уйдешь. Отсюда нет выхода.

То же самое ей говорил продавец попкорна, а потом – смотритель комнаты смеха. Действительно, до сих пор Тайна не нашла выхода из парка, это место было словно заколдовано. В воздухе витала необъяснимая жуть, с каждым вдохом проникавшая в легкие и отравлявшая кровь. Но несмотря на все предупреждения, Тайна чувствовала – выход есть, просто его хитро спрятали.

Лязгнула дверь, и директор ушел. В прихожей повисла тишина, если не брать в расчет низкий монотонный гул, доносившийся из глубины здания. Тайна могла хоть сейчас покинуть котельную, благо дверь была не заперта. Но, возможно, поиски тайной калитки, ведущей за пределы парка, следовало начинать именно отсюда.

– Ну хорошо, – пробормотала девушка, снимая промокшую куртку и вешая ее на крючок. – Посмотрим, кто кого...

Она покинула прихожую и очутилась в длинном полутемном коридоре. Справа и слева были одинаковые филенчатые двери, а в конце – лестница, ведущая на второй этаж. Запах немых тел и грязных постелей усилился, из-под ног при каждом шаге разбежались крупные тараканы. Детский дом, где, по словам Ивана Николаевича, всем уютно и весело, выглядел как подвал, где обосновались бездомные. Правда, здесь было тепло, даже жарко и, хоть редкие, под потолком горели лампочки.

Тайна медленно двинулась вдоль вереницы дверей, разглядывая кучи мусора и детские рисунки на стенах. Похоже, воспитанники детского дома любили рисовать, хотя сюжеты для своих картин выбирали странные. Нарисованные цветными мелками и углем, по стенам прыгали чудовища и химеры – хвостатые, зубастые, когтистые. Тайна увидела девочку-скорпиона, мальчика с собачьей мордой, существо с головой человека и телом змеи. То и дело среди уродов и монстров она видела изображение бородатого мужчины в черном плаще и с зонтиком. Это, разумеется, был Иван Николаевич, только юные художники почему-то упорно изображали его с третьим глазом посреди лба...

Одна из дверей оказалась приоткрыта, и Тайна услышала из комнаты детский голос. Ребенок негромко пел, а может, читал нараспев какой-то стишок. Девушка подошла ближе и заглянула внутрь. Ее взору предстала небольшая спальня с двухъярусными кроватями. Несмотря на грязь, все постели были аккуратно застелены; на заскоружлых одеялах лежали мягкие игрушки, в большинстве своем потрепанные и засаленные. В единственное окно хлестал дождь, а на подоконнике сидел светловолосый мальчик лет семи-восьми, одетый в какие-то обноски, отдаленно похожие на пижаму. Его правую щиколотку охватывало металлическое кольцо, от которого тянулась длинная цепь. Другой ее конец был пристегнут к старой гире, на которой стояло клеймо «25 кг».

– Привет! – Тайна вошла в комнату.

Мальчик спрыгнул с подоконника, огромные голубые глаза испуганно распахнулись.

– Меня зовут Тайна, а тебя?

– Кирилл, – неуверенно отозвался мальчик.

– У тебя хороший голос. Что за песню ты пел?

– Про дождик... Лена собрала репетицию, наверху, в хоровом классе. Но я туда не пошел, потому что не могу поднять гирю по лестнице...

– И ты решил спеть соло?

– Ну да...

– А кто же тебя заковал? Это такое наказание, что ли?

– Иван Николаевич боится, что я улечу. – Кирилл снова взгромоздился на подоконник и тоскливо посмотрел на размокший пустырь и проложенную на низких бетонных опорах теплотрассу. – И я бы улетел, так что его можно понять...

– Мальчики не летают, – заметила Тайна.

– Остальные не летают, а я – могу! У меня же крылья, только они еще не совсем окрепли! Маша говорит, я похож на ангела...

– Кто такая Маша?

– А, просто девчонка... – отмахнулся Кирилл. – Она мне записку писала со всякими девчачьими глупостями. Лена об этом узнала и стала ее дразнить. Она говорит, такой уродливый паук, как Машка, не может любить ангела...

– А мне кажется, у тебя нет крыльев, – заявила Тайна.

– Есть. Они белые и красивые. – Мальчик гордо повел плечами. – Иван Николаевич сказал, что у меня большие пер-спек-тивы!

– О чем ты? Что еще за перспективы?

– Никто не знает! Это известно только Ивану Николаевичу. Но у меня есть одна догадка!.. Рассказать?

- Конечно.
– Я думаю, когда мы вырастем, то будем выступать в цирке. Ты любишь цирк?
– Не знаю, – пожала плечами Тайна. – Я там еще не была.
– А я люблю. Нас выбрали потому, что мы не такие как все. У меня крылья, у тебя – рога...
– Подожди, откуда ты узнал о рогах?
– Я вижу! Иван Николаевич сказал, что когда-нибудь все мы станем знаменитыми. И даже изменим мир!
– Если он желает вам добра, то зачем держит в котельной? Разве это подходящее место для детей?
– Это нужно для кон-спи-ра-ци-и, – загадочно произнес мальчик и отвернулся, ясно давая понять, что разговор окончен.

Тайна покинула спальню и направилась к лестнице. Она уже слышала нестройное детское пение, которое то и дело заглушали раскатистые удары грома.

Лестницу освещала единственная пыльная лампочка, болтавшаяся на электрическом проводе. Тайна поднималась, внимательно глядя под ноги, и песенка, разносившаяся по бетонному пролету, становилась все громче.

*Дождик, дождик, пуце!
Будет травка гуце!
На леса и горы,
На поля и доли!
На могильный холмик,
Где лежит покойник!*

Ломкие, звенящие голоса зазывали дождь. Тайна миновала еще один пролет и очутилась в коридоре. Слева были окна с широкими подоконниками, справа – двери, одна из которых, в самом конце коридора, явно вела в хоровой класс. Тайна двинулась туда, прислушиваясь к словам.

*Дождик, дождик, пуце!
Зверь, в ночи ползущий!
К нам в окно заглянет!
За собой поманит!..*

Стекла в деревянных рамах дребезжали под ударами дождя, словно зверь из песенки уже царапался в окна приюта. Тайна на всякий случай взгляделась в промозглый сумрак по ту сторону стекла, но увидела лишь собственное отражение, бледное и размытое. Блеснула молния, залил пустырь неживым светом, и на какой-то миг окно утратило прозрачность, превратившись в зеркало. Отражение обрело четкость, и на Тайну в упор посмотрела белая маска с острыми скулами и темными провалами глазниц. Это было ее собственное лицо, но игра света и тени превратила его в жутковатый череп, увенчанный парой загнутых рогов. Вспышка погасла, прогремел гром, и жуткая морда исчезла, как будто утопленник сначала всплыл к самой поверхности воды, а потом снова погрузился на дно.

– Нет у меня никаких рогов, – заявила Тайна, глядя на свое потускневшее отражение. – И нечего меня убеждать.

Она решительно отвернулась от окна и направилась в хоровой класс. Ей пришло в голову, что это место заодно с Иваном Николаевичем, а значит, не стоило доверять всему, что она видела и слышала.

Тайна заглянула в приоткрытую дверь. Дети сидели полукругом, покачиваясь в такт песенке. На стене висела черная грифельная доска, на которой мелом были написаны слова песни. Рядом кто-то дописал кривыми печатными буквами: «Машка – уродина».

Первой Тайну увидела какая-то девочка, сидевшая напротив двери. Она прекратила петь и замерла, испуганно моргнув. Вскоре все хористы – полсотни, а то и больше детей – замолчали, и только какой-то мальчишка, сидевший спиной к двери, прогнусавил в наступившей тишине:

– На могильный холмик, где лежит покойник!

Тайна переступила порог. Она разглядывала воспитанников детского дома, а те разглядывали ее. Грязные и оборванные, они были похожи на волчат, впервые увидевших незнакомца. Тайна задалась вопросом – где Иван Николаевич находил их? Подбирал беспризорников, тех, кто сбежал из дома и ночевал на вокзалах и в коллекторах? Или похищал обычных детей, исправно посещавших школу и слушавшихся родителей? А может, они сами приходили в парк, чтобы навсегда сгнуться среди аттракционов и каруселей? «Наверняка так и есть», – подумала Тайна. У нее сложилось ощущение, что Иван Николаевич никогда не покидал свой парк, как паук не покидает паутину. Все это место было огромной хитрой ловушкой, и сама Тайна каким-то образом угодила в нее.

Все детдомовцы сидели на стульях, и только одна рыжая задиристого вида девочка – на старой исцарапанной парте, болтая ногами.

– Чего вы на нее пялитесь? – недовольно бросила она. – Занимайтесь своими делами! Репетиция окончена!

Круг рассыпался, дети разошлись в разные стороны, но никто не торопился покидать класс. Все исподтишка наблюдали за Тайной, перешептываясь и бросая в ее сторону любопытные взгляды. Рыжеволосая девочка спрыгнула с парты. На ней был джинсовый комбинезон и белая футболка, на груди – круглый значок с изображением скорпиона. Одетая она была лучше остальных детдомовцев, хотя сальные волосы и грязные ногти выдавали в ней такого же обитателя котельной.

– Ты слишком старая для новенькой, – сказала девочка вместо приветствия. – И как же тебя зовут?

– Тайна.

– В смысле – это секрет? Или Тайна – это твоя кличка?

– Это не кличка, это имя.

– Хорошо! А меня зовут Лена. Я староста. Это значит, что, когда Ивана Николаевича нет, я тут за главную. Понятно?

Тайна кивнула.

– Ну хорошо... И какая же у тебя сила?

– Я не знаю. Ваш директор сказал, у меня рога.

– Рога – это и так ясно, я тебя про способности спрашиваю. Ты можешь делать что-нибудь необычное?

– Не могу, – сказала Тайна.

– Жаль. Значит, твои способности еще не проявились. – Лена огляделась и добавила, понизив голос: – У девочек это сильнее проявляется, когда начинает идти кровь. Но здесь почти все слишком маленькие для этих дел!

– А у тебя какая сила? – поинтересовалась Тайна.

– Я управляю дождем, – заявила Лена. – Тучи меня слушаются!

Тайна посмотрела в окно, туда, где бушевала гроза. Если Лена не врала, ей бы следовало давно остановить репетицию. Какой смысл просто так портить погоду?

– Ладно, давай тебя поселим, что ли... – Лена огляделась. – Катюха, ты где?! Живо сюда!

Откуда-то возникла тощая девочка с косичками, похожими на крысиные хвостики.

– Я тут! – сообщила она, заискивающе улыбаясь и заглядывая Лене в лицо.

– Что у нас со свободными койками? Надо новенькую поселить!

– Все хорошие места заняты, вообще ничего не осталось. Можем поселить в дальней спальне! – Катя покосилась на девочку лет двенадцати, стоящую у стены, отдельно ото всех. – Там сейчас только Машка живет.

– Ну, что поделатъ, значит, поселим с Машкой. – Лена бросила на Тайну хитрый взгляд: – Как ты относишься к паукам?

– Нормально, – пожала плечами Тайна. – Они мне ничего плохого не сделали.

– Вот и хорошо, значит, проблем не будет, – усмехнулась Лена. – Катюха тебе все покажет! А пока – свободны!

Катя схватила Тайну под локоть и поволокла прочь из хорового класса.

– Ты быстро освоишься, – тараторила она, спускаясь по лестнице. – Старшим проще, это мелкие долго привыкают. Плачут и плачут, всегда одно и то же.

– А ты давно здесь живешь? – поинтересовалась Тайна.

– Давно.

– А раньше где ты жила?

– Где-то снаружи, – неохотно отозвалась Катя. – Я уже плохо помню. Этот дом высасывает воспоминания, так у нас говорят. И когда их почти не остается, ты перестаешь плакать... Кстати, вот тут у нас столовая! Ужин через час, так что не опаздывай!

Катя провела Тайну по первому этажу, показала женскую уборную и фонтанчик с питьевой водой.

– А там что? – спросила Тайна, указав на железную дверь в конце коридора.

– Там котельная, – сказала Катя. – Нам туда нельзя. Идем, я покажу, где ты будешь жить...

Дальняя спальня действительно находилась на отшибе, за туалетами. Тусклый серый свет из окна падал на голые оштукатуренные стены, выцветший линолеум и чугунную батарею, на которой сушились чьи-то носки. Кровать хватало, но только одна была застелена.

– Ну, давай осваивайся, – кивнула Катя. – А я пойду. У меня от этого места мурашки по коже, брр!

Тайна зашла в спальню, включила свет и еще раз огляделась. Она не поняла, почему Катя так отзывалась об этом месте и почему ухмылялась Лена. Комната как комната, не хуже той, где Тайна встретила мальчика с гирей на ноге. Пожалуй, здесь было даже чище, чем в других спальнях, и не так воняло. На подоконнике сидели безголовая кукла и плюшевый медведь с выдранными глазами, стену над единственной занятой кроватью украшали картинки, пришипленные канцелярскими кнопками. Тайна подошла ближе и присмотрелась. Почти на каждом рисунке был изображен ангелоподобный мальчик с крыльями, а рядом с ним – девочка, из-за спины которой торчали мохнатые паучьи лапы. Дети держались за руки, играли под ярким солнцем или просто улыбались. В светловолосом ангеле Тайна безошибочно узнала Кирилла, мальчика, который утверждал, что умеет летать.

– Отойди оттуда! Прочь!

Тайна оглянулась и увидела девочку в мешковатой толстовке и потертых джинсах. Вязаную шапку неопределенного цвета она натянула на самые глаза, как будто хотела спрятать лицо.

– Ты Маша?

– Да! Кто же еще?!

– А меня зовут Тайна. Теперь мы соседки по комнате.

– Я знаю! – Девочка пересекла спальню и со всего маху села на кровать, так что пружины протестующе заскрипели. – И почему ты согласилась здесь жить? Мне и одной прекрасно было!

– А с чего бы мне не соглашаться?

– Потому что я – это я, разумеется! – Маша свирепо уставилась на Тайну. – Никто не хочет со мной жить! Тебе что, не противно на меня смотреть?

– Не противно.

– А ты знаешь, что у меня уже есть соседи по комнате? – спросила Маша. – Посмотри туда!

Тайна проследила за ее взглядом и увидела, что потолок спальни густо заплела паутина. В пыльных кружевах копошились жирные блестящие пауки разных размеров и форм. Один, с крестом на спине, шлепнулся на пол в паре метров от Тайны, прополз по линолеуму и скрылся под кроватью. Только сейчас девушка обратила внимание, что окно, углы комнаты и даже батарея были в паутине.

– Это мои друзья, – сообщила Маша. – Ну что, теперь ты уберешься?

– Нет, – сказала Тайна. – Меня все устраивает. Где здесь выдают постельное белье?

Некоторое время Маша сверлила Тайну недобрым взглядом, а после проворчала:

– В кладовой, напротив туалетов. Там найдешь все, что нужно.

* * *

Было шумно и жарко, резко пахло тушеной капустой и рыбными котлетами. Большое прямоугольное помещение с высоченным потолком и кафельными стенами было разделено на две части: с одной стороны располагалась кухня, а с другой – сама столовая. Границей служил длинный металлический прилавок, вдоль которого двигалась очередь. Воспитанники детского дома брали пустые миски, похожие на каски солдат, павших под вражеским огнем, пластмассовые подносы и выстраивались друг за другом. Дежурные в засаленных передниках накладывали им еду из больших закопченных кастрюль. Лена приглядывала за процессом, стоя чуть в стороне и жуя большое сочное яблоко. Старосту побаивались, и, пока она смотрела, почти никто не толкался и не лез вперед.

Тайна взяла поднос, посуду и встала в конец очереди. Прилавок был грязный, кафель – в пятнах жира, в остальном же дела здесь оказались поставлены на удивление хорошо. Каждый дежурный знал свою роль – кто-то стоял на раздаче, кто-то занимался грязной посудой и подносами. Несколько девочек-поварих деловито носились между разделочными столами и газовыми плитами. Что бы ни задумал Иван Николаевич, в его планы явно не входило заморить детей голодом. Да и пахла еда весьма неплохо – Тайна, еще ни разу за свою короткую жизнь нормально не пообедавшая, ощутила, как желудок мучительно сжимается, требуя еды.

Маша, в своей вязаной шапочке и мешковатой толстовке, заняла очередь чуть раньше, поэтому между ней и Тайной было еще несколько детей. Некоторые вели себя спокойно, другие вертелись, пересмеивались и гремели посудой. Маша смотрела себе под ноги, а когда кто-то толкался, лишь сильнее втягивала голову в плечи. Когда пришла ее очередь получить порцию капусты, дежурный – тощий мальчишка с острым, как у хорька, лицом – вывалил все мимо тарелки, прямо на поднос. Несколько человек, видевшие это, захихикали. Маша наградила его ненавидящим взглядом.

– Двигайся, двигайся, – усмехнулся дежурный. – Очередь задерживаешь!

Чуть дальше девочка в замызганном переднике и помятом поварском колпаке выдавала рыбные котлеты. Каждый детдомовец, независимо от возраста, получал по две штуки. Когда к дежурной подошла Маша, та отодвинула кастрюлю и сказала:

– Котлеты кончились! Иди отсюда!

Лена видела, что происходит, но продолжала спокойно жевать яблоко, облокотившись на подоконник. Маша взяла поднос, по которому растекался водянистый гарнир, и поплелась за дальний столик.

– Обойдется без котлет, – сказала дежурная.

– Правильно, пусть пойдет мух наловит, – поддержал ее похожий на хорька мальчик.

Теперь Тайна поняла, почему ее соседка по комнате была неприветливой и озлобленной. Если каждый день тебя мучают и шпыняют, поневоле начнешь огрызаться.

Любой человек мог с легкостью ответить на вопрос, что ему нравится, а что нет, но только не Тайна. Она еще мало знала про саму себя, но, глядя на то, как издеваются над Машей, внезапно поняла, что терпеть не может несправедливость. Если всем по две котлеты – значит по две. Тайна решила обязательно вмешаться в следующий раз, а пока что получила причитающуюся ей порцию и села за ближайший столик, под плакатом «Когда я ем – я глух и нем!». Ниже, под лозунгом, кто-то дописал: «Хвостат, когтист, уродлив, неказист» – и пририсовал страшную зубастую физиономию.

– И вообще ты дура.

– Да пошел ты на фиг! Сам дурак!

Напротив Тайны, плечом к плечу, сидели мальчик и девочка. Одинаково светловолосые и голубоглазые, они бросали друг на друга сердитые взгляды.

– Почему вы ссоритесь? – поинтересовалась Тайна, разламывая котлету.

– А тебе какое дело? – буркнула девочка.

– Не обращай внимания на Ирку. У нее характер отвратительный, – сказал мальчик. – А ты новенькая? Тебя Иван Николаевич привел?

– Да.

– Правда, он хороший?

– Ну, не знаю, – протянула Тайна с набитым ртом. – Мне он что-то не понравился.

– Правильно, – обрадовалась Ира. – Никакой он нам не папа, он злой и страшный дядька.

А его третий глаз – фууу!..

– Так вы из-за этого ругались? – догадалась Тайна.

– Из-за чего же еще! Димка все время говорит глупости, а мне приходится слушать.

– Так не слушай, чего ты с ним сидишь? Вон сколько столов вокруг...

– Это плохая шутка, – обиделась Ира. – Думаешь, приятно быть сиаемскими близнецами?

– Ах, вот оно как... – покивала девушка. – А скажи, ваша староста, Лена, у нее что? Рога, копыта, когти? Или, может, крылья?

– А ты что, сама не видишь? – удивилась Ира. – У Лены ядовитое жало! Она же скорпион!

– Эта рогатая ничего не видит, – сказал Дима сестре. – Мы сначала тоже не видели, помнишь?

Тайна еще не поняла, почему все дети вокруг считали себя уродами. Может, это была какая-то странная игра, а возможно... «Возможно, я действительно чего-то не вижу», – подумала Тайна. Она прищурилась, пристально разглядывая сидящих за столами и спящих туда-сюда детдомовцев. От напряжения у нее разболелась голова, но ничего необычного Тайна так и не заметила. Если у подопечных Ивана Николаевича действительно были какие-то уродства, ее глаза этого не различали.

Пожинав, Тайна вернулась в спальню. Головная боль усилилась, растекаясь по черепу горячими волнами. Снова появилось ощущение, что в затылке засел раскаленный шуруп. Девушка рассеянно сбросила кроссовки, стряхнула с подушки паука и рухнула на одеяло. Дождь все еще лил, хоть и не так сильно. Звук бьющих в окно капель убаюкивал, и вскоре Тайна почувствовала, что засыпает.

* * *

Шум дождя превратился в отдаленный невнятный гул, похожий на шипение радиоприемника. Где-то снова затянули песенку про дождик, но теперь голоса звучали слаженно и торжественно, подобно пению церковного хора. Тайна прислушивалась к словам, но могла разобрать только «Дождик, дождик, пуще! Аллилуйя!». За пением и шелестом капель Тайна не сразу расслышала чьи-то тяжелые шаги, а расслышав, открыла глаза и огляделась.

Спальня сузилась до небольшого клочка грязного линолеума вокруг кровати, все остальное заволоч плотный туман. Стены и потолок пропали. Где-то неподалеку находилось окно и широкий подоконник, на котором сидели слепой медведь и безголовая кукла, но ничего этого тоже не было видно. Туман перетекал и пульсировал как живой, становился то серебристым, то молочно-белым. Девушка поднялась с кровати, и та моментально исчезла, как будто растворилась в тумане, а вместе с ней исчезли одеяла и пропахшая плесенью подушка.

– Что за шутки? – пробормотала Тайна, но ей ответило лишь отдаленное «Аллилуйя!».

Шаги приближались, и вскоре в белесом мареве обозначилась высокая фигура с покатыми плечами и длинными обезьяньими лапами. Существо двигалось прямо к Тайне, тяжело переваливаясь, и с каждым шагом неясный образ проступал все отчетливей. Девушка увидела загнутые рога, почти касавшиеся потолка, когтистые лапы и толстые косматые ноги с мощными копытами. Чудовище прижимало к волосатой груди девочку в окровавленном платье. Ее руки и ноги безвольно повисли, волосы слиплись от крови.

«Дождик, дождик, пуше!» – доносилось из тумана, но теперь в песне не осталось ничего церковного. Так испуганно и злобно могли петь дьяволопоклонники во время черной мессы.

Существо остановилось и бросило на Тайну долгий взгляд. Его желтые глаза с квадратными зрачками смотрели безо всякого выражения, словно пуговицы из янтаря. Внезапно под потолком зазвенел чистый детский смех. Демон встрепенулся, поднял бездыханное тело над головой и разорвал на две части. В лицо Тайне брызнула теплая кровь. Недовольно поморщившись, девушка провела ладонью по щеке.

– Вставай, вставай... Только тихо, не разбуди Машку...

Не понимая, чего хочет от нее чудовище, Тайна открыла глаза и увидела над собой Катю – девочку на побегушках у Лены. Вместо окровавленного трупа она держала в руках грязное перо, которое, по всей видимости, выдернула из подушки, и щекотала им лицо Тайны.

Девушка села, растерянно моргая. Туман исчез, кровать была на месте. Дождь прекратился, и окно мерцало тусклым серым прямоугольником.

– Что случилось? – спросила Тайна.

– Полуночный клуб, – прошептала Катя. – Ты приглашена. Идем скорее...

С этими словами она бросила перо и выскользнула из комнаты. Голова еще немного болела, но Тайна решила, что должна принять приглашение. Если она хотела понять, что на самом деле творилось в стенах детского дома, и найти выход из парка, ей следовало больше общаться, слушать и смотреть, а не сидеть в четырех стенах. Вздохнув, Тайна нехотя нацепила кроссовки и встала с кровати.

– Это, между прочим, большая честь, – сообщила Катя, торопливо шагая по темному коридору. – Полуночный клуб – закрытое общество. Нам не нужны всякие-разные, понимаешь?

– Понимаю, – отозвалась Тайна.

– Я вообще удивилась, когда она решила тебя пригласить, – сказала Катя, бросив на Тайну ревнивый взгляд. – В клуб входят только лучшие друзья Лены, те, кто уже овладел своими способностями.

– А уж я-то как удивилась... – пробормотала Тайна, потирая ноющий висок.

Воспитанники детского дома спали, но старое здание котельной не спало, издавая тысячу едва различимых звуков. Тут щелкнула раскаленная батарея, там скрипнула деревянная балка, где-то вздохнула, давая усадку, кирпичная стена или часть фундамента. Из дальнего крыла, где находилась котельная, доносился равномерный гул.

Катя и Тайна на цыпочках прошли мимо общих спален, откуда слышалось посапывание или редкий всхлип, мимо нарисованных мелом химер и остановились напротив двери. Девочка постучала – три коротких удара, два длинных, три коротких – и, не дожидаясь, пока кто-нибудь откроет, зашла в комнату. Тайна переступила порог и огляделась. Верхний свет был выключен,

и спальню освещали несколько толстых свечей. На полу тесным кружком расположились дети – четыре мальчика и три девочки. На первый взгляд здесь не было никого младше двенадцати лет. В центре круга стояли вазочки с вареньем, возвышались горки конфет, вафель и зефира.

– Катюха, займись чаем, – сказала Лена, возникая из темного угла. – А ты, – она легонько подтолкнула Тайну вперед, – не стесняйся, садись! У нас тут все свои!

Дети подвинулись, уступая Тайне место, и она втиснулась в кружок, между двумя девочками. Одна, в джинсах и розовой кофте с единорогом, выглядела суетливой и нервной. Она все время ерзала и толкалась и, пока Тайна усаживалась, два раза едва не опрокинула вазочку с печеньем. Другая, в сером, похожем на балахон платье, наоборот, напоминала бледное извращение. Она не толкалась и поэтому понравилась Тайне больше, чем беспокойная соседка слева. Лена устроилась на высокой подушке, во главе собрания, и торжественно объявила:

– Очередное заседание Полуночного клуба объявляю открытым!

Все присутствующие, кроме Тайны, дружно зааплодировали.

– Спасибо, спасибо! – кивнула Лена. – Как вы могли заметить, у нас новенькая. Поэтому предлагаю для начала познакомиться. Пусть каждый представится и в двух словах расскажет о себе и своих талантах. Дина, начни ты!

Беспокойная девочка, сидевшая слева от Тайны, прокашлялась, и произнесла:

– Меня зовут Дина, мне тринадцать лет. Я очень люблю заседания нашего клуба и в будущем хочу стать похожей на нашу старосту.

– Ой, ладно тебе... – отмахнулась Лена.

– Я умею двигать предметы, не прикасаясь к ним. Сначала я могла передвинуть разве что сухой лист или перо, но сейчас могу поднимать и что-нибудь потяжелее...

– Очень полезная способность, чтобы тырить с заседаний печенье, – усмехнулся рыжеволосый мальчик в спортивном костюме, сидевший рядом с Диной. Она мигом покраснела и что было сил пихнула его локтем. В ответ он дернул ее за косу и повалил на пол. Понаблюдав минуту-другую, как члены Полуночного клуба выясняют отношения, староста скомандовала:

– А ну, хватит!.. Давайте продолжим знакомиться, пока я не рассердилась!

Возня моментально прекратилась, и мальчик, обвинивший Дину в краже печенья, выпалил:

– Я Артем! Управляю огнем! А еще в рифму говорю, как вы заметили. Когда вырасту, стану читать рэп и этим зарабатывать себе на хлеб!

Он щелкнул пальцами, и все свечи разом погасли, а через секунду вспыхнули с новой силой.

– Выпендрежник, – буркнула Дина.

– Меня зовут Ринат, – представился следующий мальчик. В очках и рубашке, застегнутой на все пуговицы, он выглядел как зазнайка-отличник. – Я был первым, кого Лена пригласила в наш клуб. Мой талант заключается в том, что я никогда не сплю.

– Ничего, ничего, – сказал Артем, сочувственно хлопнув его по плечу. – Не всем же огнем управлять... или передвигать взглядом печеньки!

Дина заерзала с удвоенной силой, а Ринат спокойно поправил очки, сползшие на кончик носа, когда Артем хлопнул его по плечу, и произнес:

– Это, между прочим, замечательная способность. Пока другие спят, я могу читать книги. Я стану самым умным, а вы и опомниться не успеете.

– Так здесь же почти нет книг, а те, что есть, ты уже по несколько раз прочитал, – фыркнул Артем.

– Ну и что? – пожал плечами Ринат. – Зато я могу много думать. Это тоже полезно.

Девочка, сидевшая по левую руку от Рината, выглядела как маленькая розовошекая принцесса, подхватившая жестокий насморк. Она то и дело сморкалась в грязный клетчатый платок, отчего ее нос припух и шелушился.

– Лиля! – произнесла она, шумно втянув соплю. – Мне двенадцать лет, люблю котят и щенков, и вообще всех зверей! Могу делаться невидимой.

– Только для этого ей нужно раздеться, – усмехнулся Артем. – А еще помыться – грязь же невидимой не делается!

Лиля сказала, что Артем идиот, а его рэп – отстой, после чего представился мрачноватый паренек лет пятнадцати:

– Меня зовут Максим. Когда я дотрагиваюсь до кого-то, этому человеку становится больно.

Тайна обратила внимание, что кисти рук Максим прятал в рукавах мешковатой водолазки. Свободные штаны защитного цвета были стянуты на щиколотках, так что единственной открытой частью тела оставалась голова.

Рядом с Максимом сидел Тимофей, в котором Тайна узнала дежурного по кухне, того самого, что издевался над Машей.

– Я могу повелевать крысами, – сообщил он с надменным видом. – Это очень умные и живучие звери. С большой армией крыс почти невозможно справиться, против них бесполезно любое оружие. Поэтому со временем я стану самым сильным...

– Ну-ну, – усмехнулся Артем.

– После Лены, разумеется, – добавил Тимофей, бросив на старосту короткий взгляд.

– Главное, держаться подальше от Щелкунчика, – сказал Ринат, но, кажется, никто из присутствующих не понял шутку.

Последней представилась бледная, похожая на тень девочка, сидевшая справа от Тайны.

– Дарьяна, – прошелестела она. – Иногда вижу будущее.

– Ну а теперь ты, – сказала Лена, посмотрев на Тайну.

– Меня зовут Тайна. Я ничего такого делать не умею.

Повисла пауза. Дети удивленно переглядывались и косились на старосту.

– А я думал, у нас тут клуб для одаренных, – протянул Артем.

– У нас тут клуб для тех, кого я посчитала нужным пригласить, – холодно заметила Лена. – Тайна старше любого из нас, и если ее способности еще не проявились, то не сегодня завтра проявятся.

– Да я ж не против, – пожал плечами Артем. – У нас тут есть люди, которые никогда не спят, и ничего. Мы всем рады, и со способностями, и без...

– Ладно, теперь все знакомы и можно начинать. – Лена довольно потерла ладони. – Катюха, чай готов? Тащи сюда кружки. Чья очередь рассказывать?

– Моя, – сказал Ринат, в который раз поправляя очки. – И сегодня я расскажу вам историю, которая называется «Румпельштильцхен»...

– Как-как? – переспросил Тимофей.

– Рум-пель-штиль-цхен, – по слогам повторил Ринат. – Слушай, и все поймешь...

Похоже, смысл Полуночного клуба сводился к тому, что приближенные Лены угощались сладостями и рассказывали друг другу страшилки. И то и другое Тайну вполне устраивало. Она с удовольствием набивала рот конфетами и впервые в жизни слушала сказку.

– Жил-был мельник, и была у него дочь-красавица, – размеренным тоном произнес Ринат.

– А как ее звали? – уточнила Лиля.

– Да, давай-ка больше подробностей! – потребовала Лена. – А то сказка быстро закончится!

– Допустим, ее звали Анна, – пожал плечами Ринат. – Она была блондинкой, и на правой щеке у нее была родинка...

– В форме сердечка! – вставила Лиля.

– Пусть будет в форме сердечка. И вот однажды в те края приехал король со своей свитой, дамами и рыцарями. Он захотел узнать, действительно ли Анна так хороша, как о ней говорят. А мельник, ее отец, был хвастливый и любил все преувеличивать. Когда король спросил его про Анну, он ответил: «Моя дочка не только самая красивая. Она к тому же и самая ловкая! Если потребуется, она из простой соломы золотые нитки сделает!» Мельник, конечно, говорил в переносном смысле, а король понял все буквально.

Ринат выдержал небольшую паузу, во время которой закинул в рот кусочек печенья и запил его чаем. Дав членам Полуночного клуба переварить услышанное, он продолжил:

– Король был жадный. Больше всего он любил золото и всякие драгоценности. «Делать золотые нитки из соломы – это полезное искусство!» – обрадовался он и велел, чтобы на следующий день Анну привели к нему во дворец. Приказ, как известно, есть приказ. Бедную девушку притащили в королевский дворец и заперли в башне, где не было ничего, кроме прялки и огромных гор соломы. Прежде чем захлопнулась дверь, король сказал: «Если не сумеешь превратить солому в золото, утром тебе отрубят голову!»

– А что такое прялка? – внезапно спросил Артем.

– Это такое устройство, наподобие колеса, – объяснил Ринат. – С его помощью из овечьей шерсти делают нитки. Только Анне вместо шерсти подсунули солому, и нитки она должна была сделать не какие-нибудь, а золотые. Понятно?

– Ну, хана ей, короче, – подытожил Артем. – Папа у нее тот еще придурок. Подставил собственную дочку!

– Ничего ты не понимаешь, это же сказка! – недовольно прошипела Дина.

– Анна, конечно, была красавицей и рукодельницей, но делать из соломы золото не умела, – произнес Ринат. Он рассказывал с выражением, не запинаясь и не подбирая слова, как будто читал по написанному, хотя его глаза, спрятанные за толстыми стеклами очков, скользили по лицам слушателей. – Начала девушка плакать и жаловаться на судьбу. И в этот момент словно из-под земли перед ней возник отвратительный горбатый карлик. «Слышал я про твою беду, – произнес он, – и готов помочь! Я превращу солому в золото, а ты мне дашь что-нибудь взамен!» Анна сняла с шеи атласную ленточку и сказала: «Вот, забирай!» Карлик схватил ленточку, сел за прялку и раскрутил колесо. Не успела Анна опомниться, как огромная гора соломы превратилась в золото. Сделав дело, горбун исчез, а утром, распахнув дверь в темницу, король увидел горы золотых нитей. Он, конечно, обрадовался, велел забрать золото и принести еще больше соломы.

– Жадный какой! – возмутилась Лиля, шмыгнув носом.

– Очень жадный, – согласился Ринат. – Все короли такие. И вот, когда часы на башне пробили двенадцать, карлик снова появился перед девушкой и предложил ей свою помощь. «Что ты дашь мне взамен?» – спросил он. «Вот колечко с моего пальца, – сказала Анна. – Больше у меня ничего нет!» Противный карлик со смехом схватил кольцо и прыгнул за прялку. Колесо закрутилось, и вскоре вся огромная гора соломы превратилась в золото.

Дети притихли, некоторые даже забыли про сладости. Дина застыла, не донеся до рта ложку и не замечая, что на ее кофточку с единорогом капает малиновое варенье. Казалось, плавный, не по возрасту низкий голос Рината гипнотизирует слушателей.

– Король проснулся чуть свет и первым побежал к башне. Как же он обрадовался, увидев, что Анна и в этот раз справилась с его заданием! «Ташите сюда больше соломы! – закричал он. – Так, чтобы свободного места в комнате не было!» Сказано – сделано. Осталась несчастная девушка один на один с прялкой, веретенцем и огромным ворохом соломы. А ночью...

– Знаю, – сказал Артем. – Снова появился карлик!

Ринат не торопясь поднял кружку, сделал глоток чая и произнес:

– Абсолютно верно. Появился и говорит: «Что ты мне дашь за мою помощь?» «У меня ничего не осталось...» – ответила Анна и расплакалась. «Ладно уж, все равно помогу тебе, –

произнес карлик, хитро ухмыляясь. – А за это, когда станешь королевой, отдашь мне своего первенца!»

Рассказчик замолчал, а его глаза скользнули по слушателям и задержались на Тайне. Стекла очков, в которых отражалось пламя свечи, не могли полностью скрыть внимательный и как будто оценивающий взгляд.

– Он что, детей ворует, этот карлик? – произнес Артем, и его бодрый, с наговатыми нотками голос неожиданно сделался бесцветным.

– Какая-то страшная сказка, – пробормотала Лиля, с такой силой стиснув носовой платок, словно хотела выжать его. Румянец с ее щек пропал, лицо разом осунулось; теперь Тайна смотрела как будто на посмертную маску инфанты. – Давайте в следующий раз про Золушку, а? Или, там, про Белоснежку...

– Девушка была в отчаянии, – продолжил Ринат как ни в чем не бывало, – и сразу же согласилась на условия карлика. Когда наутро король поднялся в комнату и увидел горы золотых нитей, то сразу решил, что женится на Анне. «Лучше жены, чем эта простолюдинка, мне все равно не найти!» – сказал он сам себе. Сыграли пышную свадьбу, а через год у молодой королевы родился первенец. Мальчик был красивый, с золотыми волосами, напоминавшими те самые нити, которые пряд из соломы злой карлик. Родители нарадоваться не могли, глядя на маленького принца. И вот однажды, когда королева и думать забыла о страшном уговоре, карлик возник в ее комнате и потребовал отдать долг. «Давай сюда младенца, а не то плохо будет!» – сказал он, сверкая глазами. Анна предлагала ему все сокровища, какие только есть во дворце, но человек не соглашался и твердил: «Живое существо ценнее, чем холодное золото и камни!» Девушка так горько плакала и умоляла, что карлик в конце концов согласился пойти на уступку: «Дам тебе три дня. Если за это время угадаешь мое имя, так и быть, оставлю тебе твоего ребенка!»

– Она же угадает? – спросила Лиля.

– Погоди, не так быстро, – сказал Ринат. – Начала королева вспоминать, какие есть на свете имена. И когда на следующую ночь карлик появился в ее покоях, начала перечислять: «Может, тебя зовут Ганс? А может, Карл?» Но каждый раз слышала один и тот же ответ: «Нет, это не мое имя!» Утром карлик исчез, а королева послала гонца, чтобы проехал по окрестностям и узнал, какие еще имена бывают. Получился большой список, но и в нем не оказалось нужного имени...

Ринат выдержал драматическую паузу. Сказка захватила детей, хотя некоторые словечки и выражения, которыми он пользовался – все эти «прялки», «веретенца», «гонцы» и «простолюдинки», – казались Тайне странными, как будто устаревшими. Но пусть даже отдельные слова были непонятны слушателям, менее начитанным, чем сам рассказчик, жутковатая суть была ясна всем и каждому.

– Тогда Анна приказала гонцу проехать по самым отдаленным областям и узнать, не встречаются ли там неизвестные ей редкие имена. На закате вернулся гонец и говорит: «Нет, не удалось мне узнать новых имен. Однако заехал я в один дальний лес и там видел и слышал кое-что удивительное. Посреди поляны стояла маленькая хижина, перед ней был разведен костер, а вокруг огня прыгал смешной гном. Он скакал и пел песенку: «Румпельштильцхен я зовусь, до ребенка доберусь!» Королева наградила гонца, а когда в полночь в комнате появился человек, сказала: «Может, тебя зовут Джузеппе?» «А вот и нет!» – ответил карлик, радостно потирая руки. «Тогда, наверное, Альфред?» – «И снова не угадала!» – «А может, Румпельштильцхен?» Карлик побледнел и как закричит: «Это тебе сам дьявол нашептал!» Ударил гром, дворец задрожал до самого основания, а карлик исчез и больше не появлялся.

Повисла пауза. Дети не прикасались к сладостям, как будто история отбила им аппетит.

– А как вы думаете, что Румпельштильцхен делал с детьми? – спросила Дина чуть дрожащим голосом.

– Наверное, ел, – предположила Лиля.

– Приводил в котельную, – сказала Тайна. – Что же еще?

Члены Полуночного клуба покидали собрание притихшие и задумчивые. Почувствовав спиной чей-то взгляд, Тайна оглянулась и увидела Рината. Он смотрел ей вслед, прислонившись к стене и прихлебывая остывший чай. Катя убирала посуду, Лена одну за другой задувала свечи, и комната все больше погружалась во мрак. Ринат чуть заметно кивнул, и Тайна, почувствовав, что так надо, кивнула в ответ. «Мне стоит поговорить с ним», – решила она по пути в спальню.

* * *

На завтрак была коричневая клейкая масса, которая с трудом отрывалась от черпаков и с чавкающим звуком шлепалась в подставленные миски. Заспанные дети медленно двигались вдоль прилавка. Лена приглядывала за процессом, сидя на подоконнике и болтая ногами. В отличие от остальных детдомовцев, она завтракала чипсами, доставая их из блестящего пакетика и по одному забрасывая себе в рот.

– Ненавижу овсянку, – сказал хмурый мальчик, стоявший позади Тайны, из чего она сделала вывод, что клейкая масса в закопченных кастрюлях – не что иное, как овсяная каша.

– Я бы тоже чипсов попробовала, – вздохнула какая-то девочка, косясь на Лену. – Люблю со вкусом сыра... а еще с крабом! Я точно не помню, но, кажется, раньше я часто ела чипсы...

– А ты походи попроси у старосты, – посоветовал ей мальчик, ненавидевший овсянку. – Может, она тебе даст пакет облизать. Но и то вряд ли...

Маша стояла перед Тайной, как обычно сжавшись и натянув шапочку на самые глаза. На выдаче снова был Тимофей, член Полуночного клуба и повелитель крыс. Когда подошла очередь Маши, он с кривой ухмылкой вывалил полный черпак овсянки прямо на поднос.

– Иди отсюда, не задерживай очередь, – сказал он.

– Одна и та же шутка два раза – это не смешно, – проговорила Тайна.

Маша бросила на нее испуганный взгляд, Тимофей – удивленный. Очередь притихла, а Лена отложила пакет с чипсами и вытянула шею, наблюдая за происходящим.

– А ты что, будешь меня учить, как надо шутить?

– Могу и научить, – пожала плечами Тайна. – Вот тебе шуточка...

Она перегнулась через прилавок и вырвала из рук у Тимофея вымазанный овсянкой черпак. А потом размахнулась и со всей силы ударила его этим же черпаком по лицу. Раздался влажный шлепок, во все стороны полетели ошметки каши. Тимофей охнул и свалился за прилавок. Тут же столовая наполнилась криками, кто-то завопил: «Драка!», в воздух полетели подносы и тарелки. В одно мгновение столовая превратилась в подобие обезьяньего вольера: с грохотом падали стулья, визжали девочки, гремела посуда. Какой-то шустрый пацан взобрался на стол и начал швыряться кашей, черпая ее рукой из миски.

– А НУ ПРЕКРАТИЛИ, НЕМЕДЛЕННО! – заорала Лена, грохнув металлической тарелкой о прилавок. – А то оставлю вас без еды на весь день!

Тайна оглянулась на крик. С обеих сторон от Лены, как телохранители, уже стояли двое членов Полуночного клуба – рэпер Артем и Максим, который все заседание прятал кисти рук в рукавах водолазки. Первый вертел между пальцев пластмассовую зажигалку, второй неторопливо закатывал рукава. «Так вот как здесь дела делаются», – поняла Тайна.

Угроза Лены возымела действие – дети сразу притихли, и мальчишка, швырявшийся кашей, поспешно слез со стола, облизывая пальцы.

– Ты и ты! – Лена по очереди указала на Машу и на Тайну. – Останетесь без завтрака, обеда и ужина!

– И это все? – Из-за прилавка показалась перепачканная овсянкой и кровью физиономия Тимофея. – Пусть ими Иван Николаевич займется!

Лена сверкнула на дежурного глазами, и тот снова спрятался за прилавком.

– И никакого больше Полуночного клуба, поняла? – прошипела Лена, делая шаг к Тайне. – Сама виновата!

– Правильно!.. – послышалось из-за прилавка. – Обойдется!..

– Не очень-то и хотелось, – фыркнула Тайна, все еще державшая в руке тяжелый стальной черпак. Отбросив его, она положила руку Маше на плечо. – Идем...

Девочка словно одеревенела, но Тайне удалось вывести ее из столовой. Когда они оказались в коридоре, Маша внезапно шархнула в сторону и вжалась в стену.

– Теперь ты будешь меня бить, да?

– С чего ты взяла?

– Из-за меня ты осталась без еды...

Тайна не сочла нужным отвечать. Оставив Машу подпирать разрисованную мелками стену, она вернулась в спальню и легла на кровать. Разглядывая жирных пауков, копошащихся под потолком, Тайна размышляла, как быть дальше. Иван Николаевич неспроста держал детей в котельной. Чтобы найти выход из парка, следовало понять, какую роль во всем этом играли воспитанники детского дома. А значит, имело смысл поговорить с кем-то, кто живет здесь достаточно давно и не боится отвечать на вопросы. Перебрав в уме все варианты, Тайна оставила свой выбор на Ринате. Вчера он как будто пытался на что-то намекнуть, но его намеки оказались недостаточно прозрачными для Тайны. «А вот сказку он выбрал не случайно», – подумала она, когда в комнату вошла Маша.

Девочка села на кровать, поерзала, потом подошла к окну, постояла там минуту-другую, глядя на теплотрассу, и вернулась обратно. Тайна краем глаза наблюдала за ее перемещениями. Наконец Маша отбросила матрас, достала что-то из вороха несвежего тряпья и подошла к Тайне.

– Вот, возьми. Это с Нового года осталось...

На открытой ладони лежал старый засахарившийся леденец. Тайна спустила ноги с кровати и взяла конфету.

– Садись. – Девушка чуть подвинулась, и Маша, поколебавшись секунду, опустилась рядом.

Некоторое время обе молчали, только и было слышно, как переливается горячая вода в чугунных батареях и где-то в отдалении галдят детдомовцы. Дождь давно прекратился, но небо за окном все равно оставалось серым и мрачным, словно вымазанное пеплом.

– Еще никто никогда за меня не заступался, – тихо сказала Маша, глядя себе под ноги. – Ты первая.

– Пока я здесь, они тебя не обидят, – пообещала Тайна.

– Надо мной все только издеваются, – пожаловалась Маша. – А Лена, хоть и староста, но делает вид, что ничего не замечает. Она считает, что пауки мерзкие, и ей нравится, когда другие дети меня мучают. А чем она лучше меня? Скорпионы тоже п-противные...

Из глаз Маши хлынули слезы. Тайна обняла ее и прижала к себе, с удивлением осознав, какая она маленькая и худая.

– Я думаю, Лена сама себя считает уродливой, – сказала Тайна. – Вот и настраивает всех против тебя, чтобы на нее саму меньше внимания обращали.

– Ты думаешь? – всхлипнула Маша.

– Конечно. И вообще – если все вокруг уроды, какой смысл дразнить кого-то одного? Это просто глупо.

Некоторое время Маша рыдала, уткнувшись Тайне в плечо. Плакала она беззвучно, лишь время от времени из горла вырывался приглушенный всхлип и вздрагивали плечи. Когда Тайна почувствовала, что рукав футболки стал мокрым от слез, Маша отстранилась и произнесла:

– Я почти ничего не помню из прошлой жизни, только бабушку. Она сидела в кресле и рассказывала про ангелов, про ад и рай. Ты знаешь, что плохие люди после смерти попадают в страшное место, где их наказывают и пытаются?

Тайна отрицательно покачала головой.

– Я думаю, эта котельная и есть ад, и все мы давно умерли, – сказала Маша, вытирая рукавом соплю. – Я, наверное, совершила что-то ужасное, раз меня сюда отправили, только забыла что...

– Это не ад, – произнесла Тайна, – это что-то другое. Но даже если ты права и мы в аду, я все равно здесь не останусь.

Маша смотрела на Тайну покрасневшими глазами, и в ее взгляде смешались восхищение и надежда.

– Ты собираешься сбежать?

– Да. Только сначала придется разобраться с Иваном Николаевичем. Он превратил это место в ловушку, из-за него все неприятности. Если его не станет, мы сможем уйти.

– Ты очень смелая, – выдохнула Маша и вдруг хихикнула. – А как ты Тимофея половником по роже! Хрясь! Он так и свалился, весь в овсянке!

Сказав это, Маша снова обняла Тайну, как будто боялась, что та исчезнет. Так они просидели полчаса, а может, и больше, и каждая думала о чем-то своем. Наконец Тайна вспомнила о расследовании и о том, что ей надо пообщаться с Ринатом.

– Ты знаешь мальчишку в очках? Рината?

– Да, – сказала Маша. – Он все время книжки читает. Умный, наверное...

– Мне надо с ним кое о чем поговорить, по секрету. Где его можно найти, но лучше так, чтобы нас никто не видел?

– Это просто. Он постоянно в библиотеке сидит, на втором этаже.

Тайна поднялась, Маша вместе с ней.

– Я скоро приду, – сказала девушка.

– Я с тобой! Можно?

– Нет, оставайся здесь. А если кто-то сунется, напусти на него пауков...

Иван Николаевич не потрудился организовать учебный процесс, поэтому между завтраком и обедом каждый воспитанник детского дома мог заниматься чем душе угодно. Представленные сами себе, дети рисовали на стенах, играли в прятки или просто носились по коридорам. Впрочем, царившая вокруг мрачноватая атмосфера не имела ничего общего с обычной переменкой в школе.

Направляясь к лестнице, Тайна увидела небольшую компанию шести-семилеток, расположившуюся посреди коридора, у всех на виду. Одинаково угрюмые мальчики и девочки сидели по-турецки, с прямыми спинами и взявшись за руки. Они покачивались влево-вправо и хором повторяли: «Чертик-чертик, появись! Чертик-чертик, появись!» Проходя мимо, Тайна вытянула шею и увидела разложенные в центре круга предметы – большое потемневшее зеркало, треснувший стеклянный глаз, голую куклу, густо исписанную красным фломастером, несколько крысиных черепов и грудку сухих куриных косточек. Маленькие сектанты выглядели не по-детски серьезно, и Тайна ничуть не удивилась бы, выскочи из лежавшего на полу зеркала настоящий черт. Пройдя еще несколько шагов, она увидела взъерошенного и нездорового на вид мальчика, который стоял лицом к стене и разговаривал то ли сам с собой, то ли с клыкастым страшилищем, нарисованным на штукатурке. Кроме клыков, чудище имело круглые глаза, черные, нарисованные углем крылья и огромный мешок в когтистой руке.

– Злой-человек-на-крыльях не сможет утащить меня, – бормотал мальчик, мелко дрожа. – Я буду хорошо кушать, и он меня не тронет... У Злого-человека-на-крыльях целый мешок детей... Все они плохо кушали, и теперь их самих съедят...

Судя по тому, какой мальчик был худой и бледный, его шансы угодить в лапы Злого-человека-на-крыльях были все же достаточно велики. Девушка двинулась дальше, взяв себе на заметку получше питаться. Ей не улыбалось разбираться еще и со Злым-человеком-на-крыльях – своих проблем хватало.

Тайна старалась не привлекать к себе лишнего внимания и делала вид, что просто прогуливается. Несмотря на все странности, большинство детей вели себя более-менее обыденно – спорили из-за игрушек, носились друг за другом, о чем-то шушукались. Членов Полуночного клуба среди играющих не было, вокруг сновала одна малышня. Оглядевшись, Тайна свернула к лестнице и быстро поднялась наверх.

На втором этаже оказалось пусто, и девушка прошла по коридору, дергая каждую дверь. Некоторые были заперты, за другими обнаруживались только пыльные, заваленные старой мебелью кабинеты. Дернув очередную дверь, Тайна увидела комнату, которую можно было назвать относительно чистой. У стен стояли разномастные шкафы и стеллажи, в центре – письменный стол и несколько стульев. Возле окна в одном из двух старых продавленных кресел сидел Ринат.

– Я тебя ждал, заходи, – произнес он, откладывая книгу. – И запри дверь.

Тайна закрыла дверь, задвинула щеколду и сделала несколько шагов по комнате. На полках громоздились подшивки старых пожелтевших газет и советских журналов – «За рулем», «Вокруг света», «Веселые картинки», «Советская милиция». Книг было немного, а те, что имелись, выглядели так, будто долгие годы пылились на чердаке. На столе стояла антикварная печатная машинка, настольная лампа и большая коробка с канцелярскими принадлежностями. Складывалось ощущение, что сюда стащили все, что нашлось в чуланах котельной, и все, что имело хоть какое-то отношение к чтению и письму.

– Это твоя комната? – спросила Тайна.

– Это библиотека, я собрал ее для всех, не только для себя, – отозвался Ринат. – Я выдаю книги и слежу, чтобы их вовремя возвращали. Но если честно, у нас не так много читающих.

– Значит, ты библиотекарь?

– Можно и так сказать, – пожал плечами Ринат. – Самое главное здесь – найти себе какое-нибудь занятие. Иначе можно просто с ума сойти. А какое дело у тебя?

– Закреть детский дом, – ответила Тайна, не задумываясь. – Это плохое место, детям здесь нечего делать.

– Я так и думал, – кивнул Ринат. – Дарьяна была права.

Тайна вспомнила, что Дарьяной звали молчаливую, похожую на привидение девочку, которую она видела на заседании Полуночного клуба.

– В чем же она была права? – спросила Тайна.

– В том, что скоро детскому дому придет конец, – с жаром произнес Ринат. – Видишь ли, Дарьяна – наша местная Ван-га. Ей известно то, что еще не случилось. Недавно, во время воскресной прогулки, она впала в транс и увидела, как Иван Николаевич сражается с рогатой дьяволицей. Вокруг клубился черный туман, сверкали молнии и гремел гром. Дьяволица убила директора, проткнула его ножом, похожим на жало. И тогда котельная задрожала и рухнула. Никто больше не знает про этот сон, только Дарьяна и я.

– И даже Лена?

– Лена тем более! – фыркнул Ринат. – Если ты хочешь закрыть это заведение, тебе надо понимать расстановку сил.

– Я, наверное, не очень понимаю, – призналась Тайна и, не дожидаясь приглашения, опустилась в пустое кресло.

– Иван Николаевич и Лена – заодно, – сказал Ринат. – Она – его правая рука. У Лены есть ее Полуночный клуб. С его помощью она прикармливает тех детей, кто уже освоился со своими способностями. Вербует их, так сказать.

– Ты и Дарьяна тоже в клубе.

– Разумеется. Было бы глупо отказываться. Но мы не поддерживаем Лену. А вот Артем, Тимофей и Максим поддерживают, они ее солдаты и телохранители. С ними ты должна быть особенно осторожной.

– Почему ты и Дарьяна объединились против Лены? – спросила Тайна.

– Потому, что у нас есть мозги! – произнес Ринат. – Большинство детдомовцев просто стараются выжить, они не задумываются, что здесь вообще происходит. А я задумываюсь. У меня достаточно времени, чтобы обо всем как следует поразмыслить. Ну а Дарьяна, она вообще особенная, только не все это понимают. Она видит и знает гораздо больше остальных.

– Хорошо, и что же здесь происходит, по-вашему? – спросила Тайна.

Ринат задумчиво посмотрел в окно, на верхушки обступивших котельную деревьев, и произнес:

– Очень странные вещи. Я далеко не во всем разобрался и могу нарисовать только общую картину. Иван Николаевич – человек, наделенный сверхъестественными способностями. Он часто упоминает какое-то место, где над ним ставили эксперименты и откуда он сбежал. Я думаю, это была какая-то лаборатория или научный центр. Возможно, там он познакомился с Леной и помог ей бежать. Это лишь моя догадка, но зато это объясняет, почему Лена так предана Ивану Николаевичу. Тем более, она была первой воспитанницей детского дома, все остальные появились позже.

– А ты? – спросила Тайна.

– Я был вторым, поэтому знаю, о чем говорю. Как бы там ни было, сбежав из лаборатории, Иван Николаевич взял под контроль этот парк. Он каким-то образом вырвал это место из реальности и установил здесь свои порядки. Я видел, как был убит прежний директор парка.

– Seriously?

– Да! Его распяли на колесе обозрения, и Лена собственноручно вспорола ему живот.

– Неудивительно, что все ее так боятся, – пробормотала Тайна.

– Да, неудивительно, – согласился Ринат. – Она – маленькая избалованная королева, которой что угодно сойдет с рук, даже убийство. Кстати, Лена единственная, у кого остались воспоминания о том, что было до этой котельной. Я понял это по случайным фразам, которые она иногда роняет. Отсюда следует вывод – воспоминания забирает не это место, а сам Иван Николаевич. И он может выбирать, кому их оставить, а кому нет. Твои воспоминания еще при тебе?

– Да, – пожала плечами Тайна, мысленно пробежавшись по двум дням, прошедшим с момента ее пробуждения. – Я прекрасно помню все, что со мной было. А что случилось после того, как Иван Николаевич захватил парк?

– Он начал собирать детей, тех, кто наделен сверхъестественными способностями.

– И для чего он это делает?

– А вот это – загадка из загадок, – сказал Ринат. – Сам он говорит, что просто делает доброе дело, но это, конечно же, вранье. Вторая загадка – как он вообще находит детей со способностями.

– Действительно, как? – поддакнула Тайна.

– Проблема в том, что мы толком ничего не знаем о способностях самого директора, – произнес Ринат, в который раз поправляя очки. – Его тело источает какой-то туман или дым черного цвета. Я думаю, это вещество взаимодействует с такими, как мы.

– С какими – такими? – не поняла Тайна.

– С детьми, которых называют «индиго». С экстрасенсами, телекинетиками, мутантами. Короче, с теми, у кого есть особые таланты. Ты же знаешь, что у нас тут, – Ринат усмехнулся, – собрание уродов?

– Я постоянно об этом слышу, но пока ничего не поняла, – призналась Тайна. – Маша говорит, что она – паук, Кирилл, что у него крылья. Все вокруг твердят, что у меня – рога. Но я вижу вокруг только обычных детей, и никаких рогов у меня нет. Это какая-то странная игра или как?

– К сожалению, это не игра, – покачал головой Ринат. – Вдохнув черный туман, который исходит кожа Ивана Николаевича, мы начинаем видеть мир таким, какой он есть. Среди обычных людей ходят чудовища, и никто об этом не знает. Наши уродства – это особые метки, при помощи которых индиго могут узнавать друг друга.

– Здесь живут обычные дети, а не чудовища, – отрезала Тайна.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда директор тебя обработает, – сказал Ринат. – Кстати, когда увидишь кого-нибудь с свиной головой, не удивляйся, это буду я.

– Ну хорошо, а что там с пророчеством? – напомнила Тайна.

– С пророчеством как раз все понятно. Рогатая дьяволица, которая победит Ивана Николаевича, – это ты.

– Предположим. Но как мне его победить? Ты же здесь давно, можешь посоветовать, с чего начать?

– Я бы начал с бойлерной. Она всегда заперта, и заходить туда, даже играть возле двери, строго-настрого запрещено. Лена и ее прихвостни внимательно следят за этим.

– Да, Катя мне показывала эту дверь, – кивнула Тайна. – Что там, в этой бойлерной?

– Никто не знает! Но Иван Николаевич бывает там каждый день. Еще одна странность, на которую тебе стоит обратить внимание, – репетиции Лены.

– Хоровые спевки, что ли? – уточнила Тайна. – А что в них странного?

– Это не просто спевки. Лена умеет вызывать дождь, это ее особый талант. А привлекая к этому других детей, она устраивает настоящие ливни, каждый день, в одно и то же время. На самом деле мы – не хор, а батарейки, из которых она тянет энергию.

– И зачем это нужно?

– Если бы я знал, – развел руками Ринат. – Но это делается с разрешения Ивана Николаевича. Я бы даже сказал, что это обязанность Лены – вызывать дождь.

Тайна посмотрела в окно. Небо было серое, но тучи пока не сгустились настолько, чтобы хлынул дождь. Если Ринат прав, ливень начнется одновременно со спевкой хора, когда дети затянут песенку про дождик, могильный холмик и крадущегося в ночи зверя...

Библиотекарь молчал, и Тайна, сообразив, что разговор окончен, поднялась с кресла.

– Ты мне очень помог. Спасибо.

– Я помогаю тебе, а ты – всем нам, – сказал Ринат и протянул Тайне потрепанную книгу в мягкой обложке, которую сам до этого читал. – Если кто-то тебя увидит, особенно из Полуночников, скажи, что просто заходила за книжкой.

Повесть называлась «Алиса в Стране чудес». Тайна взяла ее и вышла из библиотеки.

Шагая по коридору второго этажа мимо вереницы обшарпанных дверей, девушка пыталась разложить по полочкам все, что услышала от Рината. Детский дом со всеми его загадками напоминал хитрую головоломку, а Тайна не чувствовала себя достаточно умной, чтобы сразу понять что к чему.

Меж тем в котельной воцарилась подозрительная тишина. Еще недавно по коридорам разносились возгласы играющих детей, слышался смех, но сейчас с первого этажа не доносилось ни звука. Тайна, погруженная в собственные мысли, слишком поздно обратила на это внимание, и на лестничной площадке между первым и вторым этажом едва не налетела на Лену.

– Ага! А мы тебя везде ищем! – Рыжая староста довольно потерла ладони.

За ее спиной стоял Артем с зажигалкой и Максим, закатавший рукава водолазки. Чуть ниже на лестничном пролете маячил похожий на хорька Тимофей; на его скуле, там, куда пришелся удар половника, был наклеен пластырь.

– Можно я пройду? – нелюбезно поинтересовалась Тайна.

– Нет, пока я не разрешу! – воскликнула Лена и указала на книгу. – Что это у тебя?

– Да так... – пожала плечами Тайна. – Решила что-нибудь почитать и зашла в библиотеку.

Староста кивнула Артему, и тот щелкнул зажигалкой. Тайна увидела, как из его кулака вырвался длинный язык пламени, и книга в ее руке вспыхнула. Девушка разжала пальцы, и в этот момент к ней метнулся Максим. Его брови были сдвинуты, на лице застыло выражение мрачной решимости. В голове у Тайны промелькнули слова, которые он произнес на собрании Полуночного клуба: «Когда я дотрагиваюсь до кого-то, этому человеку становится больно». Она сделала шаг назад, но сразу же уперлась лопатками в стену. Пальцы Максима сомкнулись на ее шее.

Вспышка боли была ошеломляющей. Тайна перестала видеть, перестала слышать, она не чувствовала даже руку, сдавившую ее горло. Тело как будто превратилось в оголенный, наполненный обжигающей болью нерв. Головная боль, которую Тайна испытала при первом пробуждении, была мучительной, раздражающей, но все-таки терпимой. Выдержать прикосновение Максима не было никакой возможности, казалось, легче умереть, рассыпаться на части, чем выносить такое.

Тайна не представляла, сколько это продолжалось – несколько секунд или несколько часов. В какой-то момент боль просто ушла, и девушка поняла, что стоит на четвереньках, хрипло и шумно дыша. Воздух был наполнен запахом блевотины и сгоревшей бумаги. Откуда-то сверху слышался голос Лены:

– Ну что, хватит с тебя на первый раз?

– Можно было бы и добавить! – вставил Тимофей.

– Заткнись, здесь я решаю! А ты, – Тайна почувствовала, как в плечо ей уперлась жесткая ребристая подошва, – веди себя тихо и не забывай, кто тут главный! Ладно, парни, уходим, а то здесь воняет...

Послышались гулкие шаги, и Тайна осталась одна. Кое-как, придерживаясь за стену, она поднялась на ноги. Колени дрожали, тело налилось слабостью, а перед глазами плыло.

– Ну ладно же, – пробормотала Тайна, вытирая губы тыльной стороной ладони. Она чувствовала горький привкус во рту, видела неприглядную лужу посреди лестничной площадки, но при этом не помнила, как и когда ее стошнило. – Я до тебя еще доберусь...

С сожалением взглянув на сгоревшую книгу – Ринат, конечно же, огорчится, – Тайна медленно спустилась на второй этаж. Котельная понемногу наполнялась звуками: дети, попрятавшиеся, когда староста вышла на охоту, один за другим покидали свои убежища. То и дело хватаясь за стену, девушка побрела к фонтанчику с питьевой водой – влажной цементной тумбе, установленной в конце коридора, за туалетами. У фонтанчика никого не было. Тайна повернула скрипучий вентиль и склонилась над вертикальной струей. Полоща рот и сплевывая в чашу, девушка ощущала, как слабость постепенно отступает и колени перестают дрожать. Прикосновения Максима были сокрушительными, но, кажется, проходили без последствий, как удар электрошокера.

– Что, досталось?

Тайна повернулась на голос и увидела Дарьяну. Бледная, с темными кругами под глазами и тоненькими, словно кукольными, запястьями, выглядывавшими из рукавов платья-балахона, она казалась хрупкой, почти невесомой.

– Так, ерунда, – отмахнулась Тайна и закрыла кран. – Ринат сказал, тебе можно доверять.

– Никому нельзя доверять, – наставительно произнесла Дарьяна. – В этой котельной – никому.

- Но я все-таки рискну, – сказала Тайна. – Значит, ты видишь будущее?
- Бывает иногда.
- И ты видела, как я сражаюсь с директором.
- Да. Ты проткнула его ножом, – Дарьяна сделала выпад, словно играла в мушкетера, – и он умер.
- Понятно... – протянула Тайна. – А ты знаешь еще что-нибудь про мое будущее?
- Да, сегодня я видела сон. Ты тоже умрешь. Еще не сейчас, но скоро. Будет очень много крови, и ты в ней захлебнешься.
- Тайна молча посмотрела на девочку, пытаясь понять, что у той на уме. Дарьяна стояла, покачиваясь из стороны в сторону, словно готова была прямо сейчас провалиться в транс.
- А твои сны всегда сбываются? – уточнила Тайна.
- Нее... – вздохнула Дарьяна. – Недавно мне приснилось, что на завтрак дали омлет с грибами. А вместо этого снова была овсянка...
- Ну, тогда ладно, – сказала Тайна, немного расслабившись.
- Перспектива захлебнуться в крови ее совершенно не радовала. Кроме того, пророчество Дарьяны напомнило Тайне видение, посетившее ее в комнате смеха, – зал с темными нишами в стенах и потоки крови, льющиеся с потолка. Могло ли быть, что эти два видения – ее собственное и Дарьяны – говорили об одном и том же?
- Тебе надо действовать очень быстро, – проговорила Дарьяна, в упор глядя на Тайну. – Пока Иван Николаевич не разобрался, кто ты такая на самом деле.
- А кто же я, по-твоему, такая?
- Ты – крупная рыба. Очень крупная. Директор тоже большая рыба, но не такая, как ты. Он испугается, если поймет.
- Это я ничего не поняла, – призналась Тайна.
- Крупная рыба ест более мелкую, чего тут непонятного? – нетерпеливо произнесла Дарьяна. – Проблема в том, что ты совсем неопытная. Но мы все равно в тебя верим.
- С этими словами девочка развернулась и пошла прочь, что-то напевая и слегка подсакакивая на ходу, так, словно играла в воображаемые классики.
- Тайна пожала плечами и направилась в свою спальню. Едва она переступила порог, к ней кинулась Маша.
- С тобой все в порядке?! – Девочка вцепилась в Тайну, обняв ее за талию и чуть не сбив с ног. – Они ничего тебе не сделали?!
- Успокойся, все хорошо. Что случилось?
- Я услышала, что Лена решила проучить новенькую. Она везде тебя искала и сюда тоже приходила. Все попрятались, а я хотела пойти тебе на помощь, но испугалась. Я должна была пойти, прости! Ты, наверное, больше не захочешь со мной разговаривать... – Глаза Маши начали наполняться слезами.
- Не выдумывай, – сказала Тайна, твердо отстраняя девочку от себя. – Что я тебе сказала, когда уходила?
- Чтобы я сидела в спальне, – произнесла Маша, надрывно всхлипнув.
- Ну вот. Ты все правильно сделала.
- Потрепав Машу по голове, так, что шапочка съехала набекрень, Тайна легла на скрипнущую пружинами койку и закрыла глаза. Она собиралась привести мысли в порядок и решить, как действовать дальше, но прикосновение Максима вытянуло из нее всю энергию. Сама не заметив как, Тайна задремала.

* * *

– Просыпайся, а то на репетицию опоздаем! Лена терпеть не может, когда кто-то опаздывает!

Тайна разлепила глаза и увидела Машу. Девочка выглядела довольной, пряча хитрую улыбочку. «Что-то новенькое», – подумала Тайна, зевая и потягиваясь.

– Смотри, что я нам раздобыла! – сказала Маша, доставая из-за спины кусок черного хлеба. – Давай поделим пополам, как подруги?

– Давай, – согласилась Тайна. – Где ты его взяла?

– Это Витька спрятал, ну тот, который с собачьей головой, – сообщила Маша, разламывая сухарь на две части и вручая большую Тайне. – Он все время заанчички делает, а потом про них забывает. Мне пауки сказали, где надо искать!

Похоже, хлеб пролежал в укромном месте не один день, но Тайна с удовольствием съела пахнущий пылью сухарь и поднялась с кровати.

– Ладно, идем на репетицию. А то и вправду опоздаем...

В хоровом классе собрались все детдомовцы, включая членов Полуночного клуба, не хватало только старосты. Дарьяна и Ринат сидели в разных концах класса, зато Артем, Максим и щеголявший пластырем Тимофей сбились в кучку. Малышня, носившаяся по классу, держалась от них подальше, как будто эту троицу окружало облако ядовитого газа. На подоконнике сидели еще две девочки, с которыми Тайна познакомилась на заседании Полуночников – Дина, подозреваемая в краже печенья, и Лиля, страдавшая насморком. Первая откровенно подлизывалась к старосте, а про вторую Тайна вообще ничего не могла сказать: представляясь, Лиля заявила, что умеет делаться невидимой, а на чьей она стороне, было непонятно.

Несколько часов назад Дарьяна дала Тайне полезный совет: «Никому нельзя доверять. В этой котельной – никому». И все-таки даже среди явных подпевал старосты могли отыскаться союзники, те, кто не смирился со своим положением. Тайна кивнула Дине и Лиле, желая посмотреть, как те отреагируют. Дина заерзала и отвела взгляд, а Лиля не торопясь промокнула платком верхнюю губу и кивнула в ответ. «Уже что-то», – подумала Тайна.

На грифельной доске, рядом с текстом песенки, по-прежнему было написано: «Машка – уродина». Заметив это, Тайна решительно пересекла класс и за неимением тряпки просто размазала надпись рукой. Тимофей презрительно фыркнул, Маша едва слышно охнула.

– Тот, кто обзывается, тот в морге разлагается, – изрекла Тайна, поворачиваясь к детдомовцам. Фразочка сама слетела с языка, как будто всплыв из глубин сознания.

– Рэпчик так себе, – сказал Артем.

– А это не рэп, – отозвалась Тайна. – Это предупреждение.

Тайна и вцепившаяся ей в руку Маша заняли свободные стулья, а Тимофей, Артем и Максим принялись о чем-то шептаться.

Не прошло и минуты, как в дверном проеме возникла староста. Дети тут же перестали носиться по классу и быстро расселись по местам.

– Ну что, начнем? – сказала Лена, по своему обыкновению усаживаясь на парту. – Слова на доске, мелодию помните. Поехали!

Детдомовцы затянули жутковатую песенку про могильный холмик. Тайна прежде никогда не пела, а попробовав, обнаружила, что умение попадать в ноты не числится среди ее скрытых талантов. Это, впрочем, никого не смущало – дети пели, как могли, а Лена раскачивалась и махала руками, делая вид, что дирижирует. Это было странное и на первый взгляд бесполезное действие, но вскоре Тайна заметила, что в классе потемнело. Она посмотрела в окно и увидела, как над парком сгущаются тучи. Силуэты сидящих на подоконнике Дины и Лили стали почти неразличимы на фоне серой пелены, затянувшей небо. Лена, не прекращая дири-

жировать, подошла к выключателю и зажгла верхний свет: желтые лампочки осветили лица поющих детдомовцев.

«Значит, это правда, – подумала Тайна, глядя на старосту. – Лена умеет вызывать дождь». Теперь оставалось понять, зачем директор и его протеже изо дня в день портили погоду, заставляя ржаветь и без того ржавые карусели.

Дети продолжали петь, и голоса их становились все более напряженными. Тайна как будто оказалась среди религиозных фанатиков, доводивших себя до исступления повторением священной мантры. В какой-то момент она осознала, что и сама начала петь громче, а в ее голосе, тусклом и невыразительном, стали проскальзывать истеричные нотки. Всмотриваясь в лица детдомовцев, Тайна поймала на себе взгляд Рината. Он сидел с бесстрастным видом, но глаза за толстыми стеклами очков как будто говорили: «Вот, именно об этом я и предупреждал». Тайна прислушалась к своим ощущениям и поняла, что устала, но не физически, а как-то по-другому. С каждым куплетом из нее уходила жизненная сила, вытекая, словно вода из треснувшего стакана. Ринат не врал и не фантазировал, говоря, что Лена использует других детей как батарейки – если энергетические вампиры действительно существовали, один из них сейчас сидел перед хором.

Хор пел про крадущегося в ночи зверя, когда оконные стекла залил холодный свет и котельная вздрогнула от удара грома. Трескучий раскат смолк, и Тайна услышала, что в окна колотят капли дождя, тяжелые, как свинцовая картечь. Почти одновременно с этим девушка услышала низкий механический гул, идущий откуда-то снизу. Наступив носком левой ноги на пятку правой, она незаметно сняла кроссовку и поставила ногу на грязный линолеум. Пол едва заметно вибрировал. Тайна вспомнила, что точно такой же звук – навязчивое басовитое жужжание – она слышала, когда Иван Николаевич привел ее в котельную. Потом звук исчез, а вот сейчас снова появился, и как раз в тот момент, когда над парком лил дождь. Обувшись, Тайна встала и направилась к выходу.

– Я в туалет, – бросила она, проходя мимо Лены.

– С репетиции нельзя уходить! – возмутилась староста.

– Мне что, описаться? – спросила Тайна и, не дожидаясь разрешения, вышла из комнаты.

В пустом коридоре подозрительный звук стал заметнее, скрыть его не мог даже нарастающий шум ливня. Девушка прикоснулась к стене и ощутила под ладонью все ту же вибрацию. Кто-то запустил спрятанную в недрах котельной машину или генератор, и Тайна хотела знать зачем. Она пошла на звук и через минуту очутилась у той самой двери на первом этаже, подходить к которой строго-настрого запрещалось. Теперь вибрация пола ощущалась даже в обуви.

– Так я и думала, – пробормотала Тайна.

Дверь была металлическая, серая, с массивными петлями и грубыми швами от сварки. Девушка ощупала ее (шершавая и, как ни странно, теплая), подергала ручку (само собой, заперто) и прильнула глазом к замочной скважине. Хотя помещение за дверью не было абсолютно темным, Тайна не смогла разглядеть ничего определенного, лишь какие-то неясные очертания и мечущиеся тени. Зато она почувствовала странный запах, точнее, смесь запахов: из-за двери тянуло перегревшимися медными проводами, сгоревшей резиной и... грозой. Так могло пахнуть сразу после удара молнии – вроде бы свежестью, но с примесью чего-то химического. Внезапно замочную скважину заслонило что-то темное. Тяжелая створка распахнулась, стукнув Тайну по лбу. Не удержав равновесия, девушка приземлилась на собственный зад.

– И что ты здесь забыла?

Тайна подняла взгляд и увидела Ивана Николаевича. Бородатый, грозный, он возвышался над ней как мрачная скала.

– Вышла в туалет и услышала какой-то шум, – сказала Тайна, потирая ушибленный лоб. – Там за дверью что-то гудит, вы бы проверили.

Некоторое время директор угрюмо взирал на девушку, засунув большие пальцы за пояс и сведя брови к переносице. Грудь у него была мощная, как у человека, который упорно занимается штангой, руки напоминали два толстых бревна. Когда Тайна впервые увидела Ивана Николаевича, на нем был кожаный плащ, сейчас же – солдатские штаны с широким кожаным ремнем и болотного оттенка свитер. На ногах у директора были тяжелые военные ботинки. «Драться с ним будет непросто», – подумала Тайна.

– Значит, услышала какой-то шум, – произнес Иван Николаевич, подозрительно щурясь. – Ну да, ну да...

Все это время дверь оставалась открытой, но широкая спина директора заслоняла обзор. Тайна сумела разглядеть лишь высокий потолок, очертания толстых металлических труб и подвесных ферм. К сожалению, этого было недостаточно, чтобы понять, чем занимался Иван Николаевич, пока Лена вызывала дождь. Заметив, куда смотрит Тайна, он захлопнул дверь и произнес:

– Идем. Нам пора поговорить.

Тайна поднялась на ноги, не торопясь отряхнула джинсы и пошла следом за Иваном Николаевичем. В молчании они поднялись на второй этаж.

– Здесь мы сможем спокойно пообщаться, – сказал директор и открыл ближайшую к лестнице дверь. За ней оказался небольшой и на первый взгляд довольно уютный кабинет. Плотные шторы были раздвинуты, но дневной свет ушел, и за окном клубилась дождливая муть. Единственным источником света служил работающий монитор на письменном столе, и в его мягком мерцании Тайна разглядела глубокое кресло, пару фотографий на стенах и очертания книжных шкафов.

– Входи, располагайся, – произнес Иван Николаевич, включая верхний свет.

Это, вне всякого сомнения, был личный кабинет Ивана Николаевича, место, куда обычные детдомовцы не могли прийти, когда вздумается. Тайна смотрела во все глаза, ведь любая мелочь могла в итоге пригодиться. Специально медля, она вошла в комнату и устроилась на единственном стуле; директор обошел письменный стол и опустился в кресло, скрипнувшее под его весом.

Несколько шкафов были забиты толстыми книгами, похожими на энциклопедии или учебники. Пробежавшись глазами по названиям, Тайна поняла, что в основном здесь собраны труды по психологии, педагогике, социологии, медицине и религии. Хватало названий наподобие «Психологическое влияние», «Секты и контроль над сознанием», «Психология управления», «Иерархия и структура тайных кружков и обществ». Чего здесь не было, так это художественной литературы.

– А это кто? – спросила Тайна, указав на две черно-белые фотографии в рамках.

– Человек в очках – это Вольф Мессинг, – произнес Иван Николаевич. – А второй, похожий на священника, – Григорий Распутин. В свое время их считали колдунами и экстрасенсами.

– А, ясно, – без особого интереса протянула Тайна. – А я думала, это ваши друзья.

– Это люди, с которых всем нам следует брать пример.

– Вы поэтому бороду носите? – догадалась Тайна.

Иван Николаевич и в самом деле немного смахивал на Григория Распутина: такой же бородатый, угрюмый и с холодным пронзительным взглядом из-под насупленных бровей. Тайна понятия не имела, какой у Распутина был голос, но не сомневалась, что он тоже говорил густым рокочущим басом.

– Я люблю пошутить, – произнес Иван Николаевич, пристально глядя на Тайну. – Но мы пришли сюда не для этого.

– А для чего?

– Как тебе в моем приюте? – внезапно спросил директор. – Освоилась?

– Мне здесь не нравится, – заявила Тайна. – У вас тут грязно, воняет, ползают тараканы. Вы воруете детей и держите их в заброшенной котельной. Думаю, за такое вас надо посадить в тюрьму.

– О, поверь, я уже побывал в таком месте, что тюрьма покажется курортом, – произнес Иван Николаевич, нисколько не обидевшись. – Ты просто видишь все в неверном свете и не понимаешь, как много хорошего я делаю для этих детей.

– Что, например?

– Я даю им возможность развиваться, спокойно раскрывать свои таланты. Здесь их никто не мучает, не режет скальпелями, не ставит над ними эксперименты. Это место просто рай для таких, как мы.

– Я не такая, как вы, – отрезала Тайна.

– А вот здесь ты ошибаешься. Просто твои силы еще не проявились. Я на тебя не давлю, в моем приюте так не принято. Здесь каждый ребенок раскрывается постепенно, как цветок, который растят с любовью и заботой. Но кое-что откладывать мы не будем...

Сказав это, Иван Николаевич откинулся на спинку кресла, положил руки на подлокотники и прикрыл глаза. Его дыхание сделалось ровным и глубоким, как у спящего человека. Некоторое время ничего не происходило, но потом лицо директора потемнело, а черты расплылись. Тайна удивленно моргнула. В памяти всплыли слова Рината: «Его тело источает какой-то туман или дым черного цвета. Я думаю, это вещество взаимодействует с такими, как мы».

Вокруг Ивана Николаевича клубилась странная взвесь, словно кто-то встряхнул мешок, в котором хранился уголь. Черный газ просачивался сквозь одежду, вытекал из-за ворота, но не рассеивался в воздухе и не оседал на предметах, подобно пыли. Складывалось ощущение, что это вещество обладает собственной волей, если не разумом; из директора как будто выползала потусторонняя тварь, опасный и хитрый демон. С каждой секундой пелена густела, наливалась чернотой, так что вскоре Тайна перестала видеть Ивана Николаевича. В этот момент конденсат резко уплотнился, вздрогнул и отделился от застывшего в кресле мужчины. Над письменным столом поднялась черная фигура, зыбкая, текучая, но при этом сохранявшая человеческие очертания. Теперь в комнате было два директора – один сидел за столом, с интересом наблюдая за Тайной, а второй, сотканный из газообразного вещества, стоял рядом. В его глазницах застыла непроглядная тьма, борода клубилась, как дым над пылающей резиновой крышкой. Призрак двинулся к Тайне. Он словно плыл по полу, медленно передвигая дымные ноги. Девушка быстро поднялась со стула и попятилась к двери. То, что она видела перед собой, ей совершенно не нравилось, и она не хотела, чтобы фантом ее касался.

– Расслабься, – посоветовал директор, – все закончится быстро, ты и глазом моргнуть не успеешь.

Тайна бросилась к двери, и тут ее накрыло черное облако. Призрак распался, утратив человеческую форму, но сохранив способность двигаться. Девушка вдохнула и закашлялась, хотя дым не имел вкуса и запаха.

– Ну вот и все, – произнес директор. – А теперь сядь и успокойся.

Призрак исчез, в кабинете не осталось и клочка черного тумана. Тайна нехотя вернулась к столу и села.

– Извини, если напугал, – сказал Иван Николаевич. – Это было жутковато, но необходимо. Зато теперь ты видишь мир, как он есть. Удивительно, не так ли?

Тайна промолчала. Она не увидела ничего нового; кабинет, обстановка, сам директор приюта – все было таким же, как до появления призрака.

– Поделишься впечатлениями?

Тайна лишь пожала плечами. Иван Николаевич ждал какого-то определенного ответа, но ей было нечего сказать.

– Что ты видишь? Говори как есть, не стесняйся.

Тайна понимала – получив неправильный ответ, директор догадается, что дым на нее не подействовал. Тогда он может повторить попытку, а Тайна не хотела снова вдыхать черный газ, пусть даже у нее был к нему иммунитет.

«После того, как призрак меня коснулся, я должна была что-то увидеть, но не увидела, – размышляла Тайна. – Что все видят, а я нет?»

Тайна не привыкла быстро думать, от этого у нее начинала болеть голова. Но, к счастью, ответ пришел сам собой – Иван Николаевич ждал, что после контакта с черным туманом она начнет видеть рога, клыки, хвосты и прочие странности, о которых постоянно твердили обитатели приюта. Наверняка каждый из них в свое время тоже вдохнул черный дым.

– Ну? – Иван Николаевич подался вперед.

Тайна вспомнила рисунки мелом, которые видела в коридорах котельной. Дети изображали создателя приюта как страшного бородатого дядьку с третьим глазом на лбу.

– У вас на один глаз больше, чем положено, – рискнула предположить Тайна.

– Да! – Директор откинулся на спинку кресла и довольно рассмеялся. – Разве это не потрясающе?!

– Наверное.

– Хочешь глянуть на свои рога? У меня есть зеркало!

– Спасибо, не хочу.

– Конечно хочешь. – Иван Николаевич достал из ящика зеркало в пластмассовой раме. – Полюбуйся, как ты преобразилась!

Тайна посмотрела на свое отражение. Она увидела девушку с острыми скулами и тонкими бескровными губами, но без рогов. Создавая своего призрачного двойника, Иван Николаевич зря старался, но знать ему об этом было необязательно.

– Рога, – протянула Тайна. – Все, как вы говорили.

– Мой глаз, твои рога – все это печати, дарованные свыше, – произнес директор. – Отметки, которые не видны обычным людям, но видны нам.

– Так они настоящие или нет? – не поняла Тайна.

– Настоящие.

– Но если обычный человек положит руку мне на голову, он ничего не нащупает?

– Ничего.

– Я не понимаю.

– Тебе и не нужно все понимать, просто прими это, – посоветовал Иван Николаевич. Сейчас он говорил почти ласково, как отец с дочкой. – Я думаю, скоро твои таланты проявятся. Ты еще всех нас удивишь!

– Очень на это надеюсь, – пробормотала Тайна и поднялась со стула. – Я могу идти?

– Конечно, возвращайся на репетицию.

Молнии чертили на небе кривые сверкающие линии, гром заставлял дребезжать оконные стекла. Дети уже не пели, а хрипло вопили сорванными голосами:

– Дождик, дождик, пуце!

Встал мертвец гниющий!

В саване нелепом

Над могильным склепом!

Тайна вернулась в хоровой класс и села на свое место. Механически повторяя слова песенки и даже не пытаясь попасть в ноты, она размышляла о том, что произошло в кабинете директора. Похоже, встреча с черным призраком – стандартная процедура, которой подвергались все новички, что-то вроде посвящения. После этого дети начинали видеть странные вещи и постепенно теряли память о прошлом. Но в этот раз что-то пошло не по плану. Тайна

подозревала, что причина в ней самой, в ее невосприимчивости к черному дыму. «Я чем-то отличаюсь от этих детей», – думала она, вглядываясь в усталые лица детдомовцев. И было бы неплохо понять, чем именно...

Когда репетиция закончилась, Лена первым делом подошла к Тайне и сказала:

– Ты слишком долго гуляла. Я такого не потерплю!

– Иван Николаевич пригласил меня к себе на разговор.

Услышав это, староста переменялась в лице.

– А, тогда понятно... Ну и как тебе?

– Просто слов нет, – произнесла Тайна. – Удивительно.

– Вот и хорошо! Но больше не прогуливай! С прогульщиками у меня разговор короткий, усекла?

* * *

После репетиции детдомовцы начали стекаться в столовую, а Тайна и Маша, все еще наказанные, вернулись в спальню. Дождь лил сплошной стеной, так, что из окна не было видно даже проходившую неподалеку теплотрассу. Маша села на подоконник и принялась играть со слепым медведем и безголовой куклой.

– Надо найти две пуговицы и пришить ему глаза, – сказала Тайна, укладываясь на кровать.

– Не надо. Он сам попросил, чтобы я их оторвала.

– Почему?

– Потому что ему было противно на меня смотреть, – нехотя отозвалась Маша.

– Я думаю, тогда он был маленький и глупый и не понимал, что говорит, – сказала Тайна. – Он уже передумал и хочет видеть свою хозяйку.

– Ну хорошо... – протянула Маша. – Я поищу ему другие глаза...

Тайна лежала на кровати, смотрела, как Маша возится с игрушками, и пыталась придумать способ попасть в закрытое крыло котельной. В голову решительно ничего не приходило. Дверь была крепкая, ключ от нее Иван Николаевич носил в кармане. Возможно, существовали какие-то окна или отверстия для вентиляции, но чтобы найти их, требовалось исследовать помещение внутри и снаружи, да так, чтобы не заметила Лена и ее прихвостни...

– А хочешь узнать один секрет? – произнесла Маша, подсаживаясь к Тайне.

– Конечно. Рассказывай.

– Мне нравится один мальчик...

– Кирилл, что ли?

– Откуда ты знаешь? – спросила Маша, вспыхнув.

– Догадалась по твоим рисункам, – сказала Тайна, умолчав, что лично говорила с Кириллом и слышала про записку, которую Маша ему писала.

– Он похож на ангела. Бабушка рассказывала, что ангелы живут на небе и что у них красивые белые крылья. Только Кирилл никогда не захочет со мной дружить, потому что я...

– Вот только не надо опять, – перебила ее Тайна. – Ты добрая и красивая девочка. Если Кирилл этого не понимает, он просто дурак.

Некоторое время Маша растерянно смотрела на Тайну, а потом произнесла:

– А ты мне расскажешь свой секрет?

– Какой?

– Ну, мне кажется, тебя что-то беспокоит. Я подумала, мы же теперь лучшие подруги и должны делиться всякими секретами...

– Мне нужно выяснить, что происходит в закрытом крыле котельной, – сказала Тайна. – Но я понятия не имею, как туда попасть...

- И это все? – фыркнула Маша. – Я могу тебе помочь.
- Seriously? – удивилась Тайна. – Как?

Девочка посмотрела вверх. В тот же миг с потолка, раскачиваясь на длинной паутинке, начал спускаться большой коричневый паук.

– Я много чего могу, – сказала Маша, протянув руку. Паук отпустил паутинку и шлепнулся на открытую ладонь. – Но молчу об этом. Если бы Иван Николаевич узнал, что я умею делать с пауками, он бы заставлял меня шпионить или еще что-нибудь похуже...

– А что именно ты можешь? – спросила Тайна.

– Смотреть их глазами. Там, где есть пауки, там и я.

– И ты видела, чем Иван Николаевич занимается в закрытом крыле?

– Много раз. Здесь же скучно, и со мной никто не общается. Поэтому я смотрю, чем занимаются другие...

Маша взяла руку Тайны и посадила на нее паука. Он пополз туда-сюда и остановился на тыльной стороне ладони между средним и указательным пальцем.

– Будет немного больно, но по-другому никак...

Челюсти паука вонзились в кожу. Девушка почувствовала жжение, как будто на руку попало раскаленное масло.

– Теперь закрой глаза и расслабься, – посоветовала Маша. – А я соединю тебя с другими пауками.

Тайна откинулась на подушку и сомкнула веки. Тут же перед глазами вспыхнула четкая цветная картинка – коридор приюта, только вверх ногами. Ужин закончился, и внизу ходили дети – Тайна увидела близнецов Иру и Диму, с которыми познакомилась в столовой, и еще нескольких детдомовцев, которых не знала по именам.

– Я что, сижу на потолке? – от удивления Тайна села и огляделась. Коридор исчез, теперь она видела только обшарпанные стены спальни и залитое дождем окно.

– Ты все еще на своей кровати, – нетерпеливо объяснила Маша, укладывая ее обратно. – А паук, глазами которого ты смотрела, сидит на потолке, в коридоре. Ложись, и давай продолжим.

Тайна закрыла глаза и снова увидела коридор. Потом была секунда абсолютной темноты, и новая картинка. Девушка поочередно увидела столовую, хоровой класс, прихожую, где висели куртки и стояла уличная обувь, и несколько общих спален, где она не бывала. На ее глазах Лиля воровато огляделась, и, убедившись, что на нее никто не смотрит (о пауке она, разумеется, не подозревала), высморкалась в чей-то шарф, оставленный на спинке кровати. Тайна задумалась – ее способность делаться невидимой распространялась на сопли? Если нет, Лиле стоило вылечить насморк.

Маша переключалась с одного паука на другого, словно это были камеры слежения, установленные по всему приюту.

– Ты правильно сделала, что не стала об этом никому рассказывать, – одобрила Тайна.

– А мне и некому было, ты первая, – сказала Маша. – Вообще обычные пауки плохо видят. Но я могу их изменять. Со мной они э-во-лю-ци-о-ни-ру-ют, вот!

– Это как? – не поняла Тайна. Сейчас она смотрела, как Лена сидит в кресле, закинув ноги на табуретку и уплетая зефир, а Катя, сидя на грязном полу, массирует ей ступни.

– Чтобы наблюдать за всем, я сделала пауков со зрением как у человека и даже лучше, – с гордостью произнесла Маша. – А еще я вырастила несколько ядовитых пауков... просто, на всякий случай. Так что, если тебя снова кто-то обидит, ты только скажи.

– И что ты тогда сделаешь?

– Поубиваю всех, кто делает тебе больно.

– Тебе тоже делали больно, – напомнила Тайна.

– Ну, мало ли, – буркнула Маша. – Бабушка говорила, убивать – это грех. Так в заповедях написано. Но за тебя я убью...

Еще некоторое время девушка прыгала из одного паука в другого. Тайне не терпелось увидеть закрытое крыло, но она молчала – у Маши было не так много возможностей чем-то похвастаться.

– А вот сюда Иван Николаевич никого не пускает... кроме Лены, конечно.

Наконец Тайна перенеслась в огромное помещение с неровными кирпичными стенами и высоким потолком, которое мельком видела, когда ушла с репетиции. Два прожектора, подвешенные на металлических фермах, были включены, а их лучи направлены вниз. Выглядело это как сцена в авангардном театре, где вместо декораций стояло громоздкое, опутанное стальными трубами оборудование. Вверх, в темноту, уходили квадратные оцинкованные короба, не один и не два, а целый лес. Все это наверняка гудело, пыхтело и создавало вибрацию, ощутимую даже на втором этаже, однако слышала Тайна только то, что происходило в ее собственной спальне. При помощи Машиных пауков можно было подглядывать, но не подслушивать.

Закопченные топки, насосы, котлы и баки – всему этому, насколько Тайна могла судить, и следовало находиться в бойлерной. А вот рядом она увидела кое-что совершенно неуместное в котельной – гигантского надувного клоуна, нависавшего над подобием цирковой арены, и старинный водолазный костюм. Клоун был соединен с каким-то гудящим металлическим агрегатом при помощи гофрированного шланга, а костюм просто лежал на потертом кресле – прорезиненный комбинезон отдельно, блестящий медный шлем с круглыми окошками, похожими на иллюминаторы батискафа, отдельно. Последнее, что Тайна ожидала увидеть в святой святых Ивана Николаевича – надувную игрушку и древний акваланг.

– На фига здесь клоун? – спросила Тайна.

– Это батут, – отозвалась Маша. – Когда дети прыгают по арене, клоун раскачивается. Думаю, это весело.

– И зачем он в котельной? Чтобы прыгать?

– Нет, я ни разу не видела, чтобы Иван Николаевич прыгал на батуте.

– А что он делает в таком случае?

– Приходит сюда каждый день после завтрака, надевает водолазный костюм, подключает шланги и просто сидит в кресле.

– Серьезно? Просто сидит, и все?

– Да.

– Подолгу?

– Как правило, до обеда.

– Странно, – пробормотала Тайна. Она чувствовала, что разгадка маячит где-то рядом. – А клоун?

– Клоун надувается, пока Иван Николаевич сидит в кресле. И постепенно сдувается по вечерам, когда идет дождь.

Действительно, сейчас батут выглядел полусдувшимся – арена напоминала плоский резиновый блин, распластавшийся на бетонном полу, клоун устало сгорбился. Компрессор, соединенный с батутом, работал, но не подкачивал его, а как будто, наоборот, вытягивал воздух... или не воздух?

– Кажется, я все поняла, – произнесла Тайна и села.

– Что? – спросила Маша, широко распахнув глаза.

– Ты сможешь завтра еще раз показать мне котельную? Хочу увидеть, как это происходит.

– Конечно! – обрадовалась Маша. – Я все сделаю!

В окно по-прежнему барабанил дождь, но теперь Тайна смотрела на стекавшие по стеклам серые струи иначе – с нарастающим недоверием...

* * *

На завтрак был омлет с грибами.

* * *

Когда Иван Николаевич вошел в закрытое крыло, Тайна уже лежала на кровати и большой коричневый паук кусал ее руку. Другой паук, глазами которого девушка сейчас смотрела, сидел в центре круглой паутины, раскинувшейся прямо над дверью в бойлерную. Отсюда все помещение было как на ладони, Тайна будто бы заняла место в первом ряду зрительного зала и теперь ждала, когда прозвонит третий звонок.

За ночь надувной батут полностью сдулся и лежал бесформенной кучей, словно спущенный баллон дирижабля. Иван Николаевич, одетый так же, как и вчера, в солдатские штаны и свитер, принялся возиться с какими-то проводами и шлангами, соединяя между собой разбросанные по котельной громоздкие агрегаты.

– Сейчас он закончит и наденет водолазный костюм, – сказала Маша, видевшая то же самое, что и Тайна.

И действительно – подключив все шланги, Иван Николаевич стянул свитер, оставшись в застиранной футболке, и принялся облачаться в водолазный костюм. Сначала он влез в резиновый бледно-зеленого цвета комбинезон с массивным воротником из красной меди. Воротник был выполнен в форме широкого кольца, и директор аккуратно заправил бороду внутрь, под манишку. После этого он взял шлем, водрузил его на голову и соединил с воротником при помощи трех больших болтов, затянув их гаечным ключом. Теперь Иван Николаевич был готов к погружению в морскую пучину, только вот ни моря, ни хотя бы речки здесь не наблюдалось, только бетонный пол.

– Я думаю, он тренируется, – сказала Маша.

– Ты о чем? – не поняла Тайна.

– Ну, если Лена однажды затопит парк, Иван Николаевич наденет водолазный костюм и спасется.

По всей видимости, это была шутка, но Тайна уже успела понять, что юмор – это не по ее части. То, над чем смеялись детдомовцы, сбивало с толку, ставило в тупик, но не веселило. Тайна поняла, что не способна понимать шутки, когда за завтраком Ринат, подсевший за общий стол, рассказал анекдот:

– Лезет, значит, корова на дерево. Мимо проходит мужик и спрашивает: «Корова, корова, зачем ты на дерево лезешь?» – «Яблок хочу поесть». – «Так это же берега, на ней яблоки не растут!» – «А у меня с собой!»

Детдомовцы долго смеялись, пихая друг друга локтями и роняя крошки омлета из перекошенных смехом ртов, а Тайна смотрела на них и удивлялась. Абсурдная история о корове ввергла детей в странное неконтролируемое состояние, что-то вроде истерики. Тайна пришла к выводу, что если все люди одинаково реагируют на шутки, при случае эту их слабость можно использовать как оружие, ну или хотя бы как отвлекающий маневр. «Вот если б я знала анекдот про корову раньше, можно было бы рассказать его тогда, на лестнице», – подумала Тайна, вспомнив вчерашнюю взбучку от Лены и ее прихвостней.

Тем временем Иван Николаевич подсоединил к шлему пару резиновых шлангов, включил компрессор и сел в кресло, положив руки в грубых резиновых перчатках на подлокотники.

– Ну вот, – сказала Маша. – Теперь он так до обеда просидит.

– Хорошо, – произнесла Тайна. – А мы будем наблюдать.

Прошло приблизительно полчаса. Директор не двигался, как будто уснул в своем костюме, а вот лежавший смятой грудой батут, наоборот, зашевелился. Арена чуть-чуть приподнялась, морщины на разноцветном пластике начали разглаживаться.

– Мне надо посмотреть ближе, – сказала Тайна.

– На батут или на директора? – уточнила Маша.

– На директора. Я хочу заглянуть к нему в шлем.

Как и все детдомовцы, Маша робела перед Иваном Николаевичем и старалась держаться от него подальше, даже когда использовала свою паучью магию. Директор вроде бы не обижал воспитанников, не кричал и никого не наказывал (с этой работой неплохо справлялась Лена), и все же его боялись куда больше, чем старосту. Иван Николаевич внушал детям суеверный ужас, словно они были беспомощными дикарями, а он – могущественным языческим божеством. Однако Тайна знала, что Маша преодолет страх и сделает все, что ей будет велено.

– Ладно... – сказала девочка после секундной заминки. – Я никогда так не делала, но могу попробовать...

Паук покинул паутину и начал медленно спускаться по стене. Тайна, прежде не видевшая мир с такого ракурса, удивлялась, каким все выглядело огромным. Каждая выбоина или царапина на кирпичной кладке казалась ямой или оврагом, а валявшийся на полу гвоздь напоминал железное бревно. Паук пересек бескрайнее бетонное поле и приблизился к ноге Ивана Николаевича. Обутая в тяжелый металлический сапог, она выросла перед взором Тайны словно медная, с пятнами зелени башня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.